

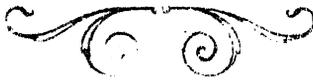
4/2

В. ЮФЕРЕВЪ.

19250
387

ИЗЪ ИСТОРИИ ТУРКЕСТАНА

Т. I.
94

ТАШКЕНТЪ.

Тип. Туркестанскаго Г. на печатнаго дѣла.

1911.

2004175394

Изъ исторіи Туркестана.

Знакомясь съ какой либо территоріей, изучая ея природныя условія и хозяйственный бытъ живущаго на ней населенія, мы, какъ то невольно, обращаемъ свой взглядъ назадъ и стараемся выяснитъ вопросъ, — что же представляла собой данная мѣстность въ прошломъ, кѣмъ она была населена и какой промыселъ доставлялъ средства къ существованію обитавшаго здѣсь народа.

Это и понятно, т. к. только разсматриваемое въ исторической перспективѣ настоящее вырисовывается во всей его полнотѣ.

Наименьшей измѣняемостью обладаетъ, конечно, общая фizioномія мѣстности, понимая подъ этимъ терминомъ всю совокупность географич-

Источники: Автобіографія Тамерлана - переводъ Лыкошина, Ташкентъ, 1894 г. „The Anabasis of Alexander, or the History of the wars and conquests of Alexander the Great“. Literally translated, with a commentary from the greek of Arrian the Nicomedian by Chinnock. Lond. M D O C C L XXXIV. *Аристовъ*—Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. „Живая старина“ вып. III и IV. 1896 г. *Аристовъ*—Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-кайсаковъ.— „Живая старина“ т. III и IV. 1894 г. *Бартольдъ*—Нѣсколько словъ объ арийской культурѣ въ Средней Азій.— „Средне-Азіатскій Вѣстникъ“. 1896 г. кн. VI. *Бартольдъ*—Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія. СПб. 1898 г. *Bretschneider*. Notices of the mediæval geography and history of Central and Western Asia. „Турк. Сборн.“ т. 183. *Валихановъ*—Очерки Джунгаріи.— „Зап. II. Р. Г. О-ва“—1861. *Вамбери*—Первобытная культура тюрко-тагарскихъ народовъ „Зап. Западно-Сибирск. отдѣла II. Р. Г. О-ва“, кн. VI. *Vambery* Das Turkenfolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipz. 1885 г. *Вельяминовъ-Зерновъ*—О касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. СПб. 1864 г. *Восійковъ*—Колебаніе климата и уровни озеръ Туркестана и Западной Сибири „Метеорологическій Вѣстникъ“. СПб. 1901 г. „Востокъ и Западъ“ Сборникъ статей В. Григорьева „Туркестанск. Сборн.“ т. 114. *Wood*. A journey of the source of the river Oxus with an essay on the geography of the valley of the Oxus. by. Henry Jule. Lond. 1872. *Гаузинъ*—Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азій и Оренбургскому Краю. 1868. *II. Гейеръ*. Крестьянская колонизація Сыръ-Дарьинской области, Ташкентъ 1892 г. *Geographie d' Aboulféda*, texte arabe publié par Reinand. Paris M D C C XLVIII. *Geographie d' Edrisi*, traduit de l'arabe par A. Jaubert. *Геродотъ*—Исторія въ девяти книгахъ.—Переводъ Мищенка. Москва 1888 т. I и II. *Голубовскій*—Объ узлахъ и торкахъ. „Журналъ Минист. Нар. Просв.“ 1884 г. кн. 7. *Голубовскій*—Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в.в. *Григорьевъ*—О Греко-Византийскомъ царствѣ.— „Журн. Минист. Народн. Просв.“ 1867 г. *Григорьевъ*—О сикескомъ народѣ сакахъ.— „Труды Восточнаго Отдѣла Имп. Археолог. О-ва“ XVI. 1872. *Григорьевъ*—Походъ Александра Великаго въ Западный Туркестанъ.— „Журналъ Минист. Народн. Просв.“ 1881 г. № 10. *Диккегемметъ*—Опытъ изученія ирригаціи Туркестанскаго Края. Сыръ-Дарьинская обл. СПб. 1893. *Drossen*. Geschichte Alexanders des Grossen. Hamburg 1833. *Зеландъ*—Капгарія и перевалы Тянь-Шаня.— „Зап. Зап. Сиб. Отдѣла II. Р. Г. О-ва“ кн. IX. *Кюстримцевъ*—Хунъ-цзу или Гунны.— СПб. 1900. *Катаневъ*—Киргизскія Спещи, Средняя Азія и Сѣверный

бескихъ особенностей и естественно-историческихъ условій. Мы не говоримъ здѣсь о ежегодныхъ перемѣнахъ климатическихъ факторовъ и даже о тѣхъ періодическихъ волнахъ, нарастающихъ и убывающихъ измѣненій климата, которыя протекаютъ въ періодъ нѣсколькихъ десятилѣтій; мы имѣемъ въ виду длительную измѣняемость въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, отражающуюся на флорѣ и фаунѣ страны и обусловливающую собой запусѣніе или оживленіе большихъ культурныхъ площадей.

Китай въ XVII и XVIII вѣк. по показаніямъ, развѣдкамъ и проч. „Зап. Запад.-Сибирь Отд. II. Р. Г. О-ва“ кн. 14 в. I. *Кауфманъ*—Къ вопросу о русской колонизаціи Туркестанскаго Края. СПб. 1903. *Кейтэ-Курцій*—Исторія объ Александрѣ Македонскомъ. Перев. Ал. Мартосъ. СПб. 1819. *Киргизъ-кайсаки*—ст. „Энциклопедическій словарь“ Брокгаузъ и Ефронъ т. XV. *Костенко*—Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности.—СПб. 1870. *Krahmer*—Russland in Asien. Bd II Russland in Mittel-Asien. Leipz. 1898. Къ вопросу о русской колонизаціи Туркестанскаго Края.—Отчетъ члена ученаго комитета М-ва З. и Гос. Им. А. А. Кауфмана. СПб. 1903. *Левшинъ*—Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. СПб. 1832. *Логановъ*—Россія въ Средней Азіи.—„Вопросы колонизаціи“ № 4. *Маевъ*—Очерки исторіи киргизскаго народа съ 1732 по 1868 г. „Туркест. Сборн.“ т. 60. *Махмеевъ*—Историческій обзоръ Туркестана и поступательнаго движенія въ него русскихъ.—СПб. 1890. *Markham* Narrative of the Embassy of Ruy Gonzales de Clavigo to the Court Timour at Samarcand. Lond. 1859. *Марко Поло*—Путешествіе въ восемьдесятъ тысячъ верстъ по татарѣ и другимъ странамъ Востока СПб. 1874. *Масперо*—Древняя исторія народовъ Востока—1895. Матеріалы по киргизскому землепользованію, собранныя и разработанныя Сыръ-Дарьинской статистической партией. Сыръ-Дарьинская область Чимкентскій уѣздъ, т. I. Ташкентъ 1908 г. *Memoires* sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiunen-Tsang, et du chinois en franzaais par M. St. Julien. Paris. *Миддендорфъ*—Очерки Ферганской долины. СПб. 1882. *Минаевъ*—Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи. СПб. 1879. *Монахъ Іакинфъ*—Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана въ древнемъ и нынѣшнемъ его состояніи. СПб. 1829. *Монахъ Іакинфъ*—Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. СПб. 1851. *Монголія*—ст. „Энциклопедическій словарь“ Брокгаузъ и Ефронъ. *Мушкетовъ*—Туркестанъ т. I СПб. 1886 г. *Наливкинъ*—Краткая исторія Кокандскаго ханства. Казань 1886 г. *Наливкинъ* и *Наливкина*—Очерки быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы.—Казань. 1886 г. *Обручевъ*—Закаспійская низменность. Геологическій и орографическій очеркъ по даннымъ, собраннымъ во время экскурсій въ 1886—1887—1888 г.г. „Запис. Имп. Рус. Географ. Об-ва по общей географіи“ т. XX № 3.—СПб. 1890. *Остроумовъ*—Сарты. Ташкентъ. 1895. Отчетъ чиновника особыхъ порученій при Министерѣ Внутреннихъ Дѣлъ А. А. Половцова, командированнаго въ 1896—1897 г., для собиранія свѣдѣній о положеніи переселенческаго дѣла въ Туркестанскомъ Краѣ. СПб. 1898 г. *Пашино*—Туркестанскій край въ 1886 г. Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи. Ташкентъ 1904 г. Проектъ Всеподданнѣйшаго отчета генераль-губернатора Ф. Кауфмана.—СПб. 1885. Проектъ положенія объ управленіи въ Семирѣчской и Сыръ-Дарьинской областяхъ.—Ташкентъ. 1880 г. *Павловъ*—Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая. „Запис. Зап.-Сиб. Отдѣль II. Р. Г. О-ва“ кн. V. *Pennell* The geographical system of Herodotus examined and explained by a comparison with those of other ancient authors and with modern geography. *Pittnerъ*—Землевѣдѣніе. Восточный Туркестанъ. СПб. 1869. „Россія и Азія“—Сборникъ статей, написанныхъ В. Григорьевымъ.—Туркест. Сборн. т. т. 119 и 120. Россія—Полное географическое описаніе нашего отечества подъ редакціей П. П. Семенова. Киргизскій край. СПб. 1903 г. Рѣдкое и достопамятное извѣстіе о бывшей изъ Россіи въ Великую Татарію экспедиціи. Туркест. сбор. т. 383. *Сарты*—статья „Энциклопедическій Словарь“ Брокгаузъ и Ефронъ т. XXVIII. *Семеновъ*—Туркестанъ и Закаспійскій край въ 1888 г. „Извѣстія Имп. Р. Г. О-ва“, т. XXIV в. V. *Скиндеръ*—Протоверонецъ и протоариецъ, геологическій періодъ ихъ исторіи. СПб. 1907 г. *Skirne and Ross*. The heart of Asia. A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates. *Срезневскій*. Хожденіе за три моря Афанасія Никитина въ 1466—1472 г. СПб. 1897. *Стеверцовъ*. Путешествія по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня.—СПб. 1873. *Вар. Торнау*—Особенности мусульманскаго права. СПб. 1892. Труды членовъ російской духовной мисіи въ Цекитѣ т. IV Си-ю-цзи или описаніе путешествія на западъ, черезъ Архим. Палла-

Въ противоположность этому, хозяйственный укладъ населенія, разсматриваемый за долгій промежутокъ времени, подвергается значительнымъ перемѣнамъ. Передвиженія народовъ, войны съ сосѣдями, увеличеніе населенія, развитіе и сокращеніе торговыхъ сношеній съ окружающими странами—все это обуславливаетъ собою подчасъ коренную ломку въ основномъ промыслѣ обитающаго на данной площади населенія. Но, несмотря на эту большую измѣняемость, многія стороны хозяйственного строя имѣютъ вѣковую, иногда даже тысячелѣтнюю, давность; поэтому весьма важно при выясненіи эволюціи хозяйства отграничить освященныя вѣками отъ наслоеній послѣдняго времени.

Представляемая на судъ читателей работа является краткимъ обзоромъ историческаго прошлаго одного изъ наиболѣе интересныхъ уголковъ Туркестанскаго края, а именно: сѣверной подошвы Таласскаго Алатау.

Главнѣйшіе вопросы, послильное разрѣшеніе которыхъ составляло задачу настоящаго изслѣдованія, сводились къ слѣдующимъ:

1) Измѣнились ли за историческій періодъ природныя условія даннаго закона настолько, чтобы это измѣненіе могло сказаться на способахъ веденія сельскаго хозяйства.

2) Какой народъ явился первымъ носителемъ земледѣльческой культуры, и къ какому періоду относится начало земледѣлія въ описываемомъ районѣ.

3) На воздѣлываніи какихъ растений базировалось тогдашнее земледѣліе.

4) Когда пришло въ описываемый районъ киргизское населеніе и и съ какого времени начало приступать къ распашкѣ земель.

Приступая къ изложенію, нужно прежде всего сказать, что названный районъ никогда не жилъ обособленною жизнью; представляя изъ себя лишь незначительную часть огромной Арало-Каспійской равнины, онъ отражалъ на себѣ всѣ пертурбаціи, какимъ подвергалась послѣдняя.—Сказанное съ одинаковымъ правомъ можно стнести какъ къ жизни мертвой природы, понимая подъ этимъ геологическіе перевороты и измѣненія естественныхъ условій, такъ и къ жизни народовъ, населявшихъ эту часть теперешняго Чимкентскаго уѣзда. Расположенная какъ разъ у прохода между горными хребтами Каратау и Алатау, площадь эта съ древнихъ временъ служила трактомъ, по которому двигались кочевники изъ прибалхашскаго бассейна въ Туранскую низменность, и поэтому судьбы населенія, жившаго на этомъ пути, нераз-

дія. *Узбеки*—ст. „Энциклопедическій Словарь“ Брокгаузъ и Ефронъ т. XXXIV-а *Харузинъ*—Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго „народа. Этнографич. Обзоръ“—1895 г. кн. 3. *Hutton*—Central Asia from the aryan to the cossack. Lond. 1875. *Чайковский*—Далекое прошлое Туркестана. СПб. 1896. *Чайковский*—Важная нивеллировка въ Туркестанѣ. Москва 1908 г. *Schwarz*—Sinthfluth und Völkerwanderungen. Stutg. 1894. *Schwarz*—Turkestan, die Wiege der indogermanischen Völker. Freib 1900 г. *Schlagintweit-Saculinski*—Die Pässe über die Kammlinien des Karakorum und Kunlun. Турк. Сб. т. 102.

дѣльно связаны съ судьбами народовъ, обитавшихъ въ сосѣднихъ областяхъ.

Въ виду всѣхъ этихъ причинъ, чтобы выяснитъ историческое прошлое интересующей насъ территоріи, намъ необходимо будетъ коснуться и прилегающихъ странъ; необходимо это еще и по той причинѣ, что разсматриваемая нами площадь является слишкомъ незначительной по своимъ размѣрамъ, поэтому особо въ различныхъ описаніяхъ, относящихся до древнихъ временъ, она рѣдко и упоминается. Но отсюда, конечно, ничуть не слѣдуетъ, что мы собираемся подвергнуть разработкѣ весь матеріалъ, излагающій историческія судьбы Туркестанскаго края. Это не отвѣчало бы существу вопроса, а кромѣ того являлось бы и непосильной задачей. Цѣли наши скромнѣе; они сводятся только къ разсмотрѣнію того матеріала, который близко касается описываемой территоріи и которымъ мы имѣли возможность воспользоваться.

Въ очень отдаленныя времена вся Туранская низменность, Таримскій бассейнъ и теперешняя пустыня Шамо были покрыты моремъ, среди котораго отдѣльными островами поднимались горы Тянь-Шаня и Памира, не достигавшія въ то время такой значительной высоты, какъ теперь. По мнѣнію геологовъ ¹⁾, существованіе этого Средиземнаго моря, соединявшагося съ открытымъ океаномъ, нужно отнести къ мѣловой и третичной эпохамъ. Въ концѣ этой послѣдней, вслѣдствіе подземныхъ динамическихъ процессовъ, способствовавшихъ общему поднятію мѣстности, море это сначала раздѣлилось на два: Ханхайское, къ востоку отъ Памира и Тяньшанскихъ горъ и Арало-Каспійское — къ западу. По опредѣленію Мушкетова ²⁾, сѣверная граница Арало-Каспійскаго бассейна проходила по Арало-Иртышскому водораздѣлу; восточная въ верстахъ 150 отъ Арала шла на востокъ по параллели, на которой находятся озера Тузь-куль и Арысь-куль, и захватывала часть Балханскаго бассейна. Такимъ образомъ, описываемая часть Чимкентскаго уѣзда, если не вся, то во всякомъ случаѣ западная ея половина, гдѣ залегаютъ песчанники мѣловой и красноцвѣтная порода третичной системы, была покрыта въ то время водою. — Въ результатъ дальнѣйшаго поднятія, какъ то, такъ и другое море постепенно отступало; поверхность обсыхала и принимала тотъ видъ, какой она имѣетъ теперь. Давно ли освободилась отъ покрывавшаго ее моря Туранская низменность и какой періодъ времени потребовался на образованіе послѣдующихъ четвертичныхъ отложеній? — на эти вопросы не можетъ быть дано при настоящемъ состояніи науки даже приблизительнаго отвѣта; равнымъ образомъ не разрѣшенной является и задача, когда впервые въ Туркестанѣ появился человѣкъ.

Одно время въ наукѣ много приверженцевъ имѣлъ взглядъ, согласно которому Средняя Азія и въ частности Памирскія высоты считались колыбелью аріійской расы; опредѣлялось даже мѣсто, гдѣ оби-

¹⁾ Мушкетовъ: „Туркестанъ“ т. I. СПб. 1866 и Обручевъ „Закаспійская низменность“ СПб. 1890 стр. 247.

²⁾ „Туркестанъ“ стр. I.

тали въ древніе вѣка отдѣльныя группы индогерманцевъ, и откуда они вышли въ другія страны. Если признать правильность этого взгляда, то заселенность Туранской низменности нужно отнести къ очень древнему періоду. Но за послѣднее время родину арійцевъ ученые ищутъ или въ самой Европѣ или въ Закавказьѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о древности населенія Туркестанскихъ равнинъ остается открытымъ. Оставляя въ сторонѣ подобнаго рода догадки, перейдемъ къ тому періоду, о которомъ говорить уже исторія.

Первыя наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о странахъ, лежащихъ къ востоку отъ Сыръ-Дарьи, мы находимъ у Геродота въ его „Музахъ“, т.-е. данныя, относящіяся къ V вѣку до Р. Х. Правда, есть еще рассказъ Ктесія, греческаго писателя, о походѣ, предпринятомъ будто бы Ниномъ Ассирійскимъ на Бактрію около 1200 л. до Р. Х.; въ этомъ рассказѣ, помимо описанія Бактріи, какъ богатой и могущественной страны, находится также и упоминаніе объ осѣдломъ и образованномъ народѣ сакахъ, жившемъ въ Сыръ-Дарьинскихъ степяхъ 1). Но рассказы Ктесія не пользуются большою достовѣрностью, а поэтому и его характеристика сакскаго народа можетъ быть подвергнута большому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что она противорѣчитъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ прочими писателями древнихъ вѣковъ.

Греки временъ Геродота всѣхъ малоизвѣстныхъ имъ народовъ Средней Азій называли однимъ общимъ именемъ скиновъ. Но хотя это названіе и являлось собирательнымъ, все же былъ одинъ народъ, къ которому оно прилагалось по преимуществу. Этотъ народъ, собственно скины, жилъ по словамъ Геродота, въ степяхъ юга Россіи, къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей; по сосѣдству съ нимъ на пространствѣ до береговъ Каспійскаго моря кочевали сарматы 2), говорившіе на языкѣ скиновъ. Изъ прочихъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ скинскихъ, Геродотъ упоминаетъ еще о массагетахъ и сакахъ. Про первыхъ онъ говоритъ, что они занимали значительную часть обширной равнины, примыкающей къ Каспійскому морю съ восточной стороны 3), и далѣе, что „народъ этотъ считается многочисленнымъ и воинственнымъ, живетъ на востокѣ по ту сторону рѣки Аракса (подъ этимъ именемъ нужно понимать Сыръ-Дарью) противъ исседоновъ“ 4). Въ отношеніи саксовъ извѣстія, сообщаемыя Геродотомъ, не такъ опредѣленны; по его словамъ, послѣдніе обитали въ Бактріи (страна по лѣвому берегу Аму-Дарьи) и около нея 5).

Что дѣйствительно массагеты и саки объединялись греками подъ общимъ названіемъ скиновъ, это вытекаетъ изъ слѣдующихъ словъ Геродота. Про саксовъ онъ говоритъ, что это „скинская нація, и хотя въ дѣйствительности амюргійцы Скинои и называются саками, но это

1) Григорьевъ. Походы Александра Великаго въ Западный Туркестанъ. Журн. Мин. Народн. Просв. 1881 № 10.

2) Геродотъ I Кліо 21.

3) Геродотъ I Кліо 204.

4) Геродотъ Кліо 201.

5) Rennel The Geographical System of Herodotus. Lond. 1800 стр. 195.

имя, данное персами, безразлично относится ко всемъ скиеамъ¹⁾. Про массагетовъ Геродотъ пишетъ, что „по мнѣнію нѣкоторыхъ, это ские-скій народъ“²⁾. Надо думать, однако, что объединеніе названныхъ народовъ подъ однимъ общимъ именемъ не было случайнымъ, а имѣло и реальную подкладку, такъ какъ есть основанія предполагать, что собственно скиеы, массагеты и саки были родственны другъ другу. Даже самъ Геродотъ, отличающій массагетовъ отъ скиеовъ, говоритъ, что „по одеждѣ и образу жизни массагеты похожи на скиеовъ“³⁾.

Какъ у грековъ различные народы Востока были извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ скиеовъ, такъ и у древнихъ персовъ для обозначенія тѣхъ же народовъ служило одно собирательное имя—саки. Собирательнымъ это названіе стало лишь впоследствии, первоначально же оно обозначало одинъ народъ, обитавшій на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ отъ Персиды. О мѣстѣ обитанія этого племени саковъ мы находимъ слѣдующія данныя у греческихъ и римскихъ писателей, жившихъ около Р. Х. Такъ, Плиній говоритъ, что саки—„это племя, которое граничитъ съ Персидской имперіей и по имени которыхъ зовутся все народы (Восточной) Скиеи“⁴⁾. Страбонъ пишетъ: „Яксартъ (Сырѣ-Дарѣя) отдѣляетъ саковъ отъ согдійцевъ“ (страна между Сырѣ-Дарѣей и Аму-Дарѣей)⁴⁾.

Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ древнихъ писателей, извѣстный ориенталистъ В. Григорьевъ говоритъ, что „главная масса саковъ размѣщалась изстари, приблизительно, около истоковъ Аму-Дарѣи и Яркандъ-Дарѣи, простираясь на сѣверъ, отсюда черезъ Тянь-шаньское нагорье до озера Балкаша; на сѣверо-востокъ до вершины Илійской долины, на сѣверо-западъ до низовьевъ р. Чуя. Что нынѣшняя Ташкентія занята была саками, необходимо заключать изъ того, что лежитъ она на востокъ отъ Яксарта, и что тутъ на восточномъ берегу этой рѣки воевалъ Александръ Великій съ тѣми скиеами, побѣдою надъ которыми хвалился онъ потомъ въ Вавилонѣ, называя ихъ саками“⁵⁾.

Отсюда слѣдуетъ, что интересующая насъ юго-восточная часть теперешняго Чимкентскаго уѣзда въ прежнее время была заселена ские-скимъ народомъ—саками. Что же это были за народъ и какой онъ велъ образъ жизни?

Въ отношеніи собственно саковъ—скиеовъ по интересующимъ насъ вопросамъ у Геродота мы не находимъ никакихъ данныхъ; про соседній же родственній сакамъ народъ, массагетовъ, онъ пишетъ, что „они ничего не сѣютъ, питаются домашними животными и рыбой, которую въ изобиліи доставляетъ рѣка Араксъ“⁶⁾. Также и Птоломей говоритъ, что „страна саковъ занята кочевниками, не знающими городовъ и жи-

1) Геродотъ Полнм.—84.

2) Геродотъ Кліо 201.

3) Геродотъ Кліо 215.

4) Rennel. The Geographical System of Herodotus. Lond. 1800 стр. 220.

5) Григорьевъ „О скиескомъ народѣ сакахъ“ Труды отдѣл. Импер. археолог. о-ва XVI ч. 1872 г. стр. 143.

6) Геродотъ Кліо 216.

вущими въ пещерахъ“ 1). У Арріана, въ его разказахъ о походахъ Александра Македонскаго, мы читаемъ, что Спитаменъ, противникъ Александра, „убѣдилъ 3.000 скискихъ всадниковъ присоединиться къ нему въ набѣгъ на Согдіану; склонить скиевъ къ войнѣ съ другимъ народомъ было легкимъ дѣломъ, такъ какъ они были стѣснены нищетою и въ то же самое время не имѣли городовъ и населенныхъ мѣстъ, которые бы заставили ихъ дорожить чѣмъ либо“ 2). Гиппократъ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Страна скиевъ есть плоскость, покрытая травою, лишенная деревьевъ и слабо орошенная потоками, Тамъ живутъ скиены, которые называются кочевниками, ибо они не имѣютъ домовъ, а живутъ въ повозкахъ. Женщины проводятъ большую часть своего времени въ повозкахъ, а мужчины привыкли ѣздить верхомъ, причемъ за ними слѣдуютъ ихъ стада овецъ, быковъ и лошадей“ 3). Но Страбонъ держится въ данномъ отношеніи уже другого взгляда,—въ его разказахъ скиены являются полукочевымъ, полуосѣдлымъ народомъ⁴). Да и тотъ же Птоломей, называя саковъ кочевниками—ми, отмѣчаетъ, что у нихъ были убѣжища для отправляющихся торговать къ серамъ. Подъ Серикою Птоломей, согласно мнѣнію Richthofen'a⁵), нужно понимать Западный Китай. Въ древнее время туда вели двѣ дороги: южная лежала черезъ Персію, Бактрію, Афганистанъ и Тибетъ, а сѣверная черезъ нынѣшнюю Ферганскую область, т.-е. мѣстность обитанія саковъ. Такимъ образомъ, существованіе у саковъ караванъ-сараявъ указываетъ уже на развитіе нѣкоторой осѣдлости.

Разбирая извѣстія древнихъ писателей и исходя изъ соображенія, что исключительно кочевой народъ не могъ быть обложенъ денежною податью, какую вносили саки въ казну Дарія Гистаспа, Григорьевъ въ своемъ трудѣ о сакахъ пишетъ: „Изъ совокупности всѣхъ свидѣтельствъ о сакахъ вытекаетъ заключеніе, что это былъ народъ полу-осѣдлый, полукочевой, что тогда, какъ одна часть саковъ въ пространствахъ степныхъ, удобныхъ лишь для кочеванія, оставалась при пастушескихъ средствахъ существованія, другая въ мѣстностяхъ, способныхъ къ воздѣлыванію почвы, занималась земледѣліемъ, а третья въ пунктахъ, мѣстность которыхъ вызывала къ тому, скучивалась въ городскія поселенія, промышленяла ремеслами и торговлею“ 6).

Въ доказательство того, что по правую сторону Сыръ-Дарьи жило и осѣдлое населеніе, Григорьевъ приводитъ слѣдующее соображеніе. Историки Александра Македонскаго „варварами“ называли осѣдлое туземное населеніе. „Слѣдовательно“, пишетъ Григорьевъ, „если говорить о нѣ (Арріанѣ) о варварахъ по ту сторону Сыра, значитъ правое побе-

1) Григорьевъ. О скискомъ народѣ сакахъ, стр. 151.

2) The Anabasis of Alexander, or the History of the wars and conquests of Alexander the Great. Lond. стр. 151.

3) Цит. по Скиндеру, Протоевропеецъ и протоаріецъ СПб. 1907 стр. 56.

4) Григорьевъ. О скискомъ народѣ сакахъ.

5) Richthofen, China. Berl. 1887. I стр. 487.

6) Григорьевъ. О скиск. нар. сакахъ, стр. 162.

режье этой рѣки имѣло въ Александрово время осѣдлое населеніе, по крайней мѣрѣ, на протяженіи бывшей Ташкини¹⁾.

Изъ всего сказаннаго можно, повидимому, сдѣлать выводъ, что, если съ одной стороны и есть нѣкоторыя основанія предполагать у саковъ зачатки осѣдлости, то съ другой заключеніе о занятіи ихъ земледѣліемъ является лишь догадкой, въ подтвержденіе которой нельзя привести никакихъ прямыхъ указаній.

По вопросу о принадлежности саковъ къ той или другой расѣ, мнѣнія ученыхъ расходятся. Одни, основываясь на ихъ кочевомъ образѣ жизни, склонны считать саковъ монголами, большинство же, принимая во вниманіе особенности типа и тѣ немногія дошедшія до насъ слова, относит саковъ къ арійской семьѣ народовъ. Григорьевъ думаетъ даже, что саки, являясь послѣднимъ арійскимъ народомъ, вышедшимъ изъ Азіи, должны быть отнесены къ славянскому племени. Онъ пишетъ: „Изъ означеннаго гнѣзда саковъ за Яксартомъ часть этого народа должна была не позже VII в. до Р. X. откочевать на западъ къ сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго моря, ибо только отсюда могло быть произведено то вторженіе саковъ въ Арменію, о которомъ говорится у Страбона. Тѣ изъ прикаспійскихъ саковъ, которые въ этомъ вторженіи не участвовали, двинулись, вѣроятно, раздѣляя общее стремленіе прикаспійскихъ племенъ на западъ, въ восточную Европу, вслѣдствіе чего, оставленные ими степи около Каспія заняты были другими кочевниками, слѣдовавшими за ними изъ Азіи, и имя саковъ исчезло здѣсь естественнымъ образомъ,²⁾“.

Если это утвержденіе правильно, то картина, рисуемая передвиженіемъ народовъ въ Арало-Каспійской равнинѣ, приобретаетъ тѣмъ болѣе шій интересъ. На самомъ дѣлѣ, предки тюркскихъ славянъ, жившіе съ незапамятныхъ временъ въ Туранской низменности, въ III в. до Р. X. должны были уступить натиску различныхъ туранскихъ племенъ и переселиться въ равнины Россіи. Проходить сличкомъ 2.000 лѣтъ и тѣ же славяне, но уже не кочевниками, а народомъ земледѣльческимъ, имѣющимъ свои выработанные приемы и традиціи въ области хозяйствованія, возвращаются въ страну, гдѣ они обитали прежде. Здѣсь за этотъ двухтысячелѣтній періодъ успѣла уже сложиться своя культура, которая можетъ быть разматриваема, какъ производное съ одной стороны мѣстныхъ естественныхъ условій, а съ другой — расовыхъ особенностей народовъ, занявшихъ равнинныя пространства по уходѣ отсюда арійскихъ племенъ.

Но возвратимся къ сакамъ и посмотримъ, что представляла изъ себя въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена занимаемая ими страна.

Прежде всего нужно признать неоспоримымъ, что къ моменту, отъ котораго начинаются историческія свѣдѣнія объ Арало-Каспійской равнинѣ, т. е. къ V-му вѣку до Р. X., фizioномія поверхности была въ

¹⁾ Григорьевъ. Походы Александра Великаго въ Западный Туркестанъ, стр. 50.

²⁾ Григорьевъ. О скииск. нар. сакахъ, стр. 144.

общемъ такою-же, какою она является и теперь. Къ этому времени періодъ энергической дѣятельности подземныхъ динамическихъ силъ, опредѣлившихъ расположеніе и высоту горныхъ хребтовъ, уже закончился; съ момента же обсыханія Арало-Каспійскаго бассейна, которое совпало съ концомъ третичной эпохи, было достаточно времени для того, чтобы къ началу историческаго періода образовались и тѣ четвертичныя наслоенія, мощные слои которыхъ мы встрѣчаемъ посюду по равнинамъ и предгорьямъ хребтовъ. Доказательствомъ того, что фізіономія поверхности уже вполне опредѣлилась къ моменту, о которомъ сообщаетъ намъ исторія, служатъ рассказы древнихъ географовъ и историковъ. Называемыя ими рѣки и горы, если не считать нѣкоторыхъ неточностей, происходящихъ вслѣдствіе смутнаго представленія древнихъ о Средней Азіи, вполне совпадаютъ съ теперешними. Такимъ образомъ, если за послѣдніе 2.000 лѣтъ и происходили по той или другой причинѣ какія-либо измѣненія рельефа, то эти измѣненія не были настолько значительными, чтобы сколько-нибудь замѣтно измѣнить поверхность страны.

О скиѣской землѣ Геродотъ говоритъ, что „вся страна представляетъ равнину съ глубокимъ черноземомъ; начиная же отсюда—земля камениста и неровна“¹⁾. Здѣсь подъ Скиѣею Геродотъ понимаетъ Royal Scythia, которую онъ помѣщаетъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, а потому подъ каменистой и неровной страной, лежащей за Скиѣею, нужно, повидимому, признать южное Приуралье.

По свидѣтельству Геродота и Плинія, къ сѣверу отъ скиѣсовъ, т. е. въ теперешней средней Россіи и западной Сибири, жилъ народъ гиперборейцевъ. Какъ тотъ, такъ и другой писатели говорятъ, что страна гиперборейцевъ имѣетъ суровый климатъ. Плиній прибавляетъ къ этому, что она и лѣсна²⁾. По словамъ Геродота Скиѣскія земли отличаются „столь суровымъ климатомъ, что въ теченіе восьми мѣсяцевъ здѣсь стоитъ нестерпимый холодъ, а пролитая въ это время вода не дѣлаетъ грязи, развѣ разведешь огонь. Замерзаетъ море и весь Киммерійскій Босфоръ, такъ что, живущіе по сю сторону рива, скиѣсы толпами переходятъ по льду, переѣзжаютъ по нему въ повозкахъ на другой берегъ къ скиѣсамъ. Такимъ образомъ, въ теченіе восьми мѣсяцевъ тамъ непрерывная зима, а въ остальные четыре мѣсяца стоятъ холода“³⁾. „Снѣгъ въ Скиѣи, говоритъ Геродотъ, выпадаетъ такъ густо, что закрываетъ видъ“⁴⁾. По мнѣнію Геродота, незаселенность сѣверныхъ странствъ объясняется невыносимо суровымъ климатомъ страны.

Что касается природныхъ условій Средне-Азіатскихъ странъ, то сообщаемыя Геродотомъ свѣдѣнія отличаются крайней скудостью; онъ приводитъ лишь рассказъ о земляхъ, принадлежавшихъ хоразміямъ, гирканіямъ, пареямъ, сарангамъ и саманалямъ, т. е. владѣніямъ, кото-

1) Геродотъ Мельп. 28.

2) Rennel. The Geogr. syst. of Herodotus, стр. 152.

3) Геродотъ Мельпом. 28.

4) Геродотъ Мельпом. 7 и 31.

рья соответствують теперь Перси и Закаспійской области. Согласно этому повѣствованію, земли названныхъ народовъ орошались рѣкою, бравшею начало въ горныхъ ущельяхъ. Когда эти владѣнія были завоеваны персами, то царь велѣлъ закрыть ущелья, вслѣдствіе чего рѣка, образовавъ озеро въ горахъ, перестала изливаться въ равнину. „Такимъ образомъ, пишетъ Геродотъ, тѣ самые народы, которые обыкновенно пользовались этой водою, теперь постоянно испытываютъ большое лишеніе, потому что не могутъ больше пользоваться ею. Зимой божество ниспосылаетъ имъ дождь, какъ и прочимъ народамъ, а лѣтомъ во время посѣвовъ проса и сесам¹⁾ они терпятъ нужду въ водѣ).“

Итакъ, изъ приведеннаго разсказа можно заключить, что въ тѣ отдаленныя времена посѣвы хлѣбовъ въ Туркестанѣ производились съ искусственнымъ поливомъ.

Въ виду того, что сообщаемыя Геродотомъ свѣдѣнія объ естественныхъ условіяхъ современныхъ ему странъ не отличаются полнотою, то не дѣлая изъ нихъ покуда никакихъ выводовъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ извѣстій, какія намъ оставили древніе писатели о Средне-азиатскихъ владѣніяхъ.

Въ IV вѣкѣ до Р. Х. въ періодъ войнъ, которыя велъ Александръ Македонскій, греки имѣли возможность непосредственно познакомиться съ многими народами Средней Азія. Александромъ были приглашены даже спеціальныя историки, задачей которыхъ было описывать походы Великаго Македонца. Но, къ сожалѣнію, написанное ими или погибло, или дошло до насъ въ крайне ничтожныхъ обрывкахъ. Все, что мы знаемъ объ этихъ походахъ, — знаемъ отъ писателей, жившихъ уже спустя лѣтъ 300—400 послѣ смерти Александра.

Какъ извѣстно, Александръ Македонскій доходилъ до Сыръ-Дарьи; повидимому, около теперешняго Ходжента онъ переправился черезъ эту рѣку со своимъ войскомъ и преслѣдовалъ нѣкоторое время саковъ. Объ этомъ походѣ на Сыръ-Дарью свѣдѣнія имѣются только у Арріана и Квинта Курція. Но сообщенія этихъ писателей о зарѣчныхъ народахъ крайне скудны; они не прибавляютъ ничего существеннаго къ тому, что было извѣстно древнимъ отъ греческихъ историковъ, писавшихъ ранѣе. Всѣ эти данныя, приводимыя историками Александра, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ словахъ, а именно: что за Яксартомъ жили скиевы, или какъ называетъ ихъ Квинтъ Курцій — саки; что тѣ изъ нихъ, которыхъ пригласилъ Спитаменъ напасть вмѣстѣ съ нимъ на Александра, были кочевниками, не имѣющими городовъ; зарѣчныхъ же скиевъ, также какъ и согдійцевъ, Арріанъ называетъ варварами, иначе говоря, обѣдными жителями. Вотъ и все, что дошло до насъ отъ временъ походовъ Александра Македонскаго о сакскихъ народахъ.

Нѣсколько полнѣе свѣдѣнія относительно характера мѣстно-

1) Кунжутъ *Sesamum*.

2) Геродотъ. Фалія. 117.

стей, пройденныхъ войскомъ Великаго завоевателя. Аррианъ говоритъ, что переваливая черезъ Гиндукушъ, войска „шли по глубокому сѣгу и солдаты его (Александра) испытывали недостатокъ въ провизіи и сильное утомленіе“; горы эти „такъ высоки, какъ нѣкоторыя въ Азіи (въ Малой Азіи) и большая часть ихъ голая“. Далѣе, цитируя полководца Александра, Аристовула, Аррианъ говоритъ, что „въ этой части Кавказскихъ горъ (Гиндукуша)¹⁾ ничего не растетъ, исключая деревьевъ *terbinth* и *silphium*, но, несмотря на это, въ горахъ есть населеніе и пасутся овцы и быки,).

Бактрія, то есть страна, лежащая между Гинду - купемъ и Аму - Дарьей, соотвѣтствующая теперешнему Бадакшану, описывается Квинтомъ Курціемъ слѣдующимъ образомъ: „Бактрианская земля имѣетъ многообразное свойство. Нѣкоторые ея кантоны покрыты виноградомъ и деревьями, приносящими прекраснѣйшіе плоды въ чрезвычайномъ изобиліи. Тамъ обильные источники поятъ тучную землю; только на умѣренномъ грунтѣ сѣютъ хлѣбъ, прочія поля оставляются для пастбищъ. Самая же большая часть провинціи песчана и бесплодна; на ней не родится никакихъ плодовъ, почему она никѣмъ не заселена. Когда отъ моря Понтійскаго дуютъ вѣтры, они весь песокъ въ степяхъ вздымаютъ клубомъ, сметають его въ бугры, которые издали кажутся превысокими холмами и тогда исчезаютъ всѣ признаки и слѣды прежнихъ дорогъ. Вотъ почему путешественники сими печальными равнинами въ ночное время примѣчаютъ звѣзды и подобно мореплавателямъ по теченію ихъ управляютъ свои пути. Такимъ образомъ, тамошняя ночь благопріятствуетъ больше дня. Иногда густой туманъ скрываетъ отъ взора весь дневной свѣтъ; ѣдущій путникъ нигдѣ не находитъ никакого слѣда, никакой тропинки; тогда не знаютъ—куда держаться. Иногда этотъ убійственный морской вѣтеръ на вѣчно заноситъ въ сихъ степяхъ путешественниковъ и песчанья глыбы служатъ имъ могилою. Напротивъ того въ мѣстахъ изобильныхъ народонаселеніе весьма велико“²⁾).

По описаніямъ Квинта Курція, Согдійская ³⁾ пустыня была не менѣе ужасна, чѣмъ Бактрийская. „Воины въ тѣхъ безводныхъ мѣстахъ, какъ выше упомянуто нами, отчаяваясь отыскать воду, гораздо прежде желали пить, чѣмъ дѣйствительно чувствовали жажду; черезъ четыреста стадій не нашли воды ни капли; раскаленные пески отъ солнечнаго зноя столь сильно жгли, какъ бы самъ огонь. Густой паръ поднимался изъ нѣдръ кипящей земли, онъ помрачалъ ясный горизонтъ туманомъ, сквозь который проглядывали необозримья, песчанья моря. Ночной походъ еще казался нѣсколько сноснѣе, потому что отъ не-

¹⁾ Примѣч. переводчика.

²⁾ Anabasis of Alexander стр. 196.

³⁾ Квинтъ Курцій. Исторія объ Александрѣ Македонскомъ. СПб. 1819, стр. 93.

⁴⁾ Согдіана-страна, лежащая между среднимъ теченіемъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи.

большой росы и отъ утренниковъ люди чувствовали облегченіе, но съ разсвѣтомъ вмѣстѣ начинались сильные жары, кои всасывали въ себя всю естественную влажность, палили не только человѣка снаружи, но и прожигали самую его внутренность“ 1).

О прибрежной полосѣ Аму-Дарьи Кв. Курцій пишетъ, что „окрестности рѣки отъ самыхъ береговъ представляли гонья необозримыя степи“ 2). Но, что касается земель при Сыръ-Дарьѣ и въ Бактрианѣ, то здѣсь онѣ были „обработаны чрезвычайнымъ образомъ“ 3).

О мѣстности, лежащей по правую сторону Сыръ-Дарьи, гдѣ Александръ преслѣдовалъ саковъ, находимъ у Арріана лишь слѣдующее выраженіе: „Но такъ какъ преслѣдованіе было утомительнымъ, вслѣдствіе чрезвычайной жары, то вся армія страдала отъ жажды“ 4).

Итакъ, отсюда видимъ, что въ противоположность греческимъ писателямъ, сообщающимъ нѣкоторыя данныя о территоріи, лежащей къ сѣверо-востоку отъ интересующей насъ площади, историки Александра Македонскаго описываютъ страны, расположенныя къ югу. Но надо замѣтить, что сообщенія и этихъ послѣднихъ также не отличаются полнотою.

Послѣ смерти Александра Македонскаго завоеванія его скоро распались, образовавъ два царства: Парѣянское на юго-западѣ и Греко-Бактрийское на сѣверо-востокѣ. Это послѣднее просуществовало всего около 100 лѣтъ и пало во II-мъ вѣкѣ до Р. X. подъ напоромъ сосѣднихъ кочевниковъ. Главная роль въ данномъ дѣлѣ принадлежала, по свидѣтельству Страбона, сакамъ и другимъ скиѣскимъ народамъ, вышедшимъ изъ страны За-яксартской, сосѣдней съ саками и согдійцами,—страны, также принадлежавшей сакамъ 5). Изъ этого послѣдняго періода господства грековъ въ Средней Азій извѣстно только, что владѣчество ихъ простиралось на Согдіану и доходило на востокъ, по словамъ Страбона, „до Серовъ и Фруановъ“ 6). Но подвластны-ли были греко-бактрийцамъ народы правой стороны Яксарта и что это были за народы, писатели, жившіе послѣ Александра, не оставили намъ по этому поводу никакихъ извѣстій.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азій, мы находимъ уже въ китайскихъ источникахъ, а именно въ исторіи китайскихъ дворовъ. Весьма вѣроятно, что китайцы уже задолго до Р. X. имѣли торговыя связи съ народами Туркестанскаго края, но никакихъ данныхъ отъ этого періода до насъ не дошло. Первымъ же извѣстія о странахъ Туркестана сообщаетъ Чжань-цзянь, посоль китайскаго императора, отправленный въ 157 г. до Р. X. къ народу юэцзи, который занялъ древнія владѣнія—Бактрию и Согдіану. Чѣмъ же

1) Квинтъ Курцій. Исторія объ Александрѣ Македонскомъ. СПб. 1819. Стр. 96.

2) Тоже стр. 96.

3) Тоже стр. 111.

4) The Anabasis of Alexander стр. 212.

5) Цигировъ по Григорьеву. О скиѣскомъ народѣ сакахъ, стр. 217.

6) Тамъ же стр. 217.

было это посольство и что былъ за народъ юэчки, осѣвшій въ предѣлахъ бывшаго Греко-Бактрійскаго царства? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, нужно вернуться къ нѣскольکو болѣе раннему періоду исторіи.

Какъ полагаютъ китайскіе историки, въ степяхъ Монголіи, по соедѣству съ Китаемъ, уже съ незапамятныхъ временъ кочевалъ народъ хунны. Народъ этотъ, первоначально слабый, во II вѣкѣ до Р. Х. началъ объединяться и усиливаться; онъ нерѣдко дѣлалъ набѣги на своихъ сосѣдей—китайцевъ, а въ концѣ III-го вѣка до Р. Х. принудилъ Китай платить себѣ дань. Около этого времени, съ которымъ совпадаетъ усиленіе хунновъ, сосѣдями ихъ на западѣ былъ народъ, по имени юэчки или юэти, жившій на пространствѣ между хребтомъ Нань-Шань и восточнымъ Тянь-Шанемъ. Рядомъ съ юэчками, къ сѣверу отъ нихъ, кочевали усуни. На западѣ отъ юэчжей, въ теперешней Джунгаріи, жилъ народъ, извѣстный китайцамъ подъ именемъ сэ или сай. Поданнымъ изслѣдователей, хунны и усуни были народами тюркскаго происхожденія. Въ юэчкинцахъ большинство ученыхъ признаетъ соплеменниковъ того народа, который издавна жилъ къ сѣверо-востоку отъ Яксарта подъ именемъ массагетовъ; тождественность же народа, называемаго китайцами сэ или сай, съ саками греческихъ и персидскихъ писателей признана этнологами не подлежащей сомнѣнію. Такимъ образомъ, какъ юэчки, такъ и сэи, надо признать народами аріійской расы. Послѣ подчиненія Китая, хунны около половины II-го вѣка начали тѣснить сосѣднихъ съ ними юэчжіевъ; часть послѣднихъ покорилась, остальные же двинулись на западъ и вторглись во владѣнія сэйцевъ или саковъ. Уступая силѣ, саки принуждены были покинуть свои земли юэчжіевъ, гдѣ эти послѣдніе временно и остались: сами же саки двинулись на западъ, причеъ одна часть ихъ, по мнѣнію Григорьева, „могла слиться съ болѣе или менѣе родственными имъ гетами (юэчжіевъ, массагетами) и вмѣстѣ съ ними выселиться въ Восточную Европу“ ¹⁾, остальные повернули на югъ и, пройдя черезъ Памирскую высь и восточную Бактріану, утвердились въ теперешнемъ Кабулстанѣ. Григорьевъ, изслѣдуя свѣдѣнія, оставленныя древними писателями, приходитъ къ мысли, что не всѣ саки выселились изъ прежнихъ своихъ мѣстъ, часть ихъ осталась и слилась съ пришлымъ населеніемъ тюркскаго происхожденія ²⁾.

Но на этомъ движеніе народовъ Востока не остановилось; черезъ какихъ нибудь лѣтъ 30 — 40 бывшіе сосѣди юэчжіевъ усуни подъ напоромъ хунновъ, а можетъ быть и по собственному почину, двинулись съ своихъ прежнихъ коченій на западъ. Встрѣтивъ на пути въ Западномъ Тянь - Шанѣ юэчжіевъ, оставшихся здѣсь за уходомъ саковъ, усуни вытѣснили ихъ и водворились на ихъ мѣстѣ. Юэчки же, пройдя Фергану и Согдіану, утвердились въ Бактріанѣ, занявъ и часть праваго берега Аму-Дарьи. Къ этому то

1) Григорьевъ. О скинскомъ народѣ сакахъ. стр. 237.

2) Григорьевъ. Стр. 237.

народу и было отправлено изъ Китая посольство, во главѣ котораго состоялъ Чжань-Цянь. Цѣлью посольства было заключеніе наступатель-но-оборонительнаго договора противъ хунновъ, продолжавшихъ безпокою Китай.

Во главѣ 100 человекъ Чжань-цянь выступилъ въ 157 году до Р. X изъ Китая; но, проходя черезъ владѣнія хунновъ, онъ попалъ въ плѣнъ, и только послѣ десятилѣтняго пребыванія въ плѣну у этого народа Чжань-цяню удалось бѣжать и пробраться въ страну Давань (нынѣшнюю Ферганскую область), а отсюда черезъ владѣнія Кангюй къ народу юэчки. На обратномъ пути Чжань-цянь опять былъ захваченъ хуннами и только въ 145 году онъ вернулся въ Китай. Несомнѣнно, что за время 12 лѣтняго странствованія Чжань-цяню пришлось не мало видѣть собственными глазами, а еще болѣе слышать о народахъ Восточнаго Туркестана и Арало-Каспійской низменности. Его отчетъ о видѣнномъ и слышанномъ и явился, такимъ образомъ, для Китая первымъ оффиціальнымъ матеріаломъ, познакомившимъ китайцевъ съ народами, жившими на западѣ; онъ сохранился до насъ, войдя въ „Исторію Старшаго Двора Хань“, охватывающей собою періодъ съ 202 г. до Р. X. по 25 г. послѣ Р. X.

Въ донесеніи своемъ о западныхъ странахъ Чжань-Цянь пишетъ слѣдующее:

„Давань лежитъ отъ хунновъ на западъ почти за 10.000 ли отъ столицы прямо на западъ. Даванцы ведутъ осѣдную жизнь, занимаютъ земледѣліемъ, сѣютъ рисъ и пшеницу. Есть у нихъ виноградное вино. Много аргамаковъ. Сіи лошади имѣютъ кровавый потъ и происходятъ отъ породы небесныхъ лошадей. Есть города и дома. Въ Давани находится до 70 большихъ и малыхъ городовъ; народонаселеніе простирается до нѣсколько сотъ тысячъ. Отъ Давани на сѣверъ лежитъ Кангюй, на западѣ Большой Юэчки, на юго-западѣ Дахя, на сѣверо-востокѣ Ганьми и Юйтянь (Хотань). Отъ Юйтяни на западѣ рѣки текутъ на западъ и впадаютъ въ Западное море (Аральское). Отъ Юйтяни на востокѣ рѣки текутъ на востокъ и впадаютъ въ Соляное озеро (Лобноръ)“.

„Усунь лежитъ почти въ 2.000 ли отъ Давани на сѣверо-востокъ. Это кочевое владѣніе, коего жители переходятъ за скотомъ съ мѣста на мѣсто. Въ обыкновенияхъ сходятся съ хуннами“...

„Кангюй лежитъ почти въ 2.000 ли отъ Давани на сѣверо-западъ. Это кочевое же владѣніе; въ обыкновенияхъ совершенно сходятся съ юэчкицами. Кангюй смеженъ съ Даванью и по малосилію своему признаетъ за собою на югѣ власть юэчкицевъ, на востокѣ власть хунновъ.

Большой Юэчки лежитъ почти въ 3.000 ли отъ Давани на западъ, отъ р. Чуй-туй (Аму-Дарья) ¹⁾ на сѣверъ. Отъ него на югъ лежитъ Дахя, на западъ Аньси, на сѣверъ Кангюй. Также кочевое вла-

1) Примѣчаніе комментатора.

дѣніе. Слѣдуя за скотомъ, перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто. Въ обыкновеніяхъ сходствуютъ съ хуннами¹⁾.

По толкованію комментаторовъ, подъ Даванью нужно понимать владѣніе, находившееся въ теперешней Ферганской области. Въ Усуннѣ мы узнаемъ страну въ районѣ озеръ Балхаша и Иссык-Куля, занятую усунцами послѣ того, какъ отсюда ушли саки и вслѣдъ за ними юэчжи. Владѣніе юэчжи, названное по имени народа, образовавшаго его, лежало къ сѣверу отъ р. Аму-Дарьи на мѣстѣ теперешняго Бухарскаго ханства. И, наконецъ, Кангюй на равнинной площади средняго теченія Сыръ-Дарьи, причемъ кангюйцамъ въ то время подчинялись также и горда въ долинѣ Заревшана и даже теперешняя Хива²⁾.

Таково было распредѣленіе народовъ, занимавшихъ во II-омъ вѣкѣ до Р. Х. приаральскія степи и сѣверные склоны Тянь-шаня. Какъ мы могли видѣть раньше, народъ юэчжи, тождественный — по мнѣнію ориенталистовъ, съ массагетами греческихъ писателей, долженъ быть отнесенъ къ племенамъ арійскаго происхожденія. Къ арійской же группѣ народовъ принадлежали, повидимому, и даванцы. Последнее можно заключить изъ слѣдующихъ словъ „Исторіи“, относящихся къ описанію Давани. „Отъ Давани на западъ до Аньси (Хива и часть Персін), хотя есть нарочитая разность въ нарѣчіяхъ, но языкъ весьма сходенъ и жители легко понимаютъ другъ друга. Тамошніе жители (въ Давани) имѣютъ впалые глаза, большія бороды“³⁾. Описываемыя черты, остановившія вниманіе китайца, привыкшаго кругомъ видѣть монгольскій типъ, являются весьма характерными для арійской расы.

Но насъ здѣсь должны больше интересовать сѣверныя племена усуннѣ и кангюй, такъ какъ среди владѣній этихъ народовъ нужно искать интересующую насъ территорію. По мнѣнію о. Іакинфа, юэчжи, остановившись въ сѣверномъ Тянь-Шанѣ, заняли „нынѣшній Илійскій округъ съ частью восточныхъ киргизскихъ земель до р. Таласа“⁴⁾. Усуннѣ же, „вытѣснивъ ихъ далѣе къ юго-западу, остались кочевать на ихъ земляхъ“⁵⁾. Вѣроятно же всего, что на западѣ усунскія владѣнія простирались до Каратаусскихъ горъ, которыя являлись естественною гранью, раздѣлявшей равнины прибалхашскаго бассейна отъ Сыръ-Дарьинскихъ степей. За этой гранью на востокъ, повидимому, начинались кочевья кангюйцевъ. Такимъ образомъ, надо думать, что и юго-восточная часть Чимкентскаго уѣзда входила въ предѣлы владѣній Кангюя. Какой же народъ извѣстенъ былъ китайцамъ подъ именемъ кангюйцевъ? Кромѣ приведенныхъ выше свѣдѣній, что „Кангюй кочевое

1) Монахъ Іакинфъ. Собраніе о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азій въ древнія времена. Спб. 1851 г. т. III стр. 4.

2) Аристовъ. Замятки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей. Спб. 1897 стр. 18.

3) Монахъ Іакинфъ. Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана въ древнемъ и нынѣшнемъ его состояніи. Спб. 1829 г. стр. 37.

4) О. Іакинфъ. Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркест. стр. 37.

5) Тамъ же стр. 36.

П. 1
9.

владѣніе“ и „въ обыкновеніяхъ совершенно сходствуетъ съ хуннами“ въ китайскихъ источникахъ никакихъ другихъ данныхъ объ этомъ народѣ не находимъ. Но у позднѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Сыръ-Дарьинскія степи мы встрѣчаемъ пмя народа, весьма близкое кангюйцамъ. Такъ въ 568 г. византійскій посолье Земархъ пишетъ, что на пути къ тюркскому хану Дизавулу онъ проѣзжалъ черезъ страну канкловъ. Далѣе, Плато Карпини сообщаетъ, что, пройдя въ 1245 г. черезъ земли половцевъ, вступилъ въ земли кангитовъ и нѣсколько позднѣе, а именно въ 1253 г., Рюбрикусъ проѣзжалъ съ низовьевъ Волги изъ лагеря Батыя на Яикъ, а оттуда въ землю канкловъ. Во времена Тимура канклы продолжали занимать правый берегъ Сыръ-Дарьи. Если теперь принять во вниманіе, что въ составѣ теперешней Старшей орды киргизъ-кайсаковъ, кочующихъ по Сыръ-Дарьѣ, входитъ особый родъ канклы, то отсюда сама собой напрашивается мысль, что древніе кангюйцы есть ничто иное, какъ предки теперешняго киргизъ-кайсакаго рода канкловъ. Являясь, по мнѣнію Аристова, въ древнее время отдѣльнымъ довольно многочисленнымъ племенемъ, канклы въ послѣдующіе вѣка выдѣлялись изъ себя значительныя массы на югъ и западъ въ полчища гуновъ, печенѣговъ и половцевъ; въ результатѣ они уменьшались въ числѣ и утрачивали постепенно преобладающее вліяніе въ занятыхъ ими земляхъ 1).—Итакъ, отсюда можно заключить, что племя кангюйцовъ, также какъ и киргизъ-кайсаки, было тюркскаго происхожденія.

Въ китайскихъ источникахъ Кангюй описывается, какъ кочевое владѣніе, да и врядъ ли можно предположить, чтобы въ тѣ времена кангюйцы имѣли какую либо осѣдность и занимались земледѣліемъ, такъ какъ и до сего момента родъ канкловъ по преимуществу ведетъ кочевой образъ жизни.

Посмотримъ теперь, въ какихъ краяхъ обрисовываются китайцами естественныя условія Туркестанскихъ странъ. О владѣніи Усуни читаемъ слѣдующее: „Земли ровныя и травянистыя, страна слишкомъ дождливая и холодная. На горахъ много хвойнаго лѣса. Усуныцы не занимаются ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ, а со скотомъ перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по приволью въ травѣ и водѣ 2). О Кангюй въ китайскихъ источникахъ нѣтъ никакихъ данныхъ, но приводятся свѣдѣнія о болѣе западномъ владѣніи Инцай, которое „прилежитъ къ Великому озеру, неизмѣющему предѣла“ 3) (Каспійскому морю). Здѣсь, по словамъ историка, „климатъ умѣренный, много сосны, ракитника и ковыля“ 4).

О Давани и Юэджи сообщается, что почва и климатъ сходны съ ансинскими, угэшаньлинскими и гибинскими. Согласно поясненіямъ

1) Харузинъ. Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа. Этн. обзор. 1895 г. № 3, стр. 65.

2) Іакинфъ. Собраніе свѣдѣній т. III стр. 64.

3) Іакинфъ. Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана стр. 34.

4) Іакинфъ. Свѣдѣнія о странахъ, т. III стр. 121.

комментаторовъ, подъ владѣніемъ Аньси нужно понимать теперешнюю Хиву и сѣверную часть Персіи; Угѣшаньлы соотвѣтствуетъ Восточной Персіи, а Гибинь—это мѣстность на югъ отъ Гиндукуша по рѣкѣ Кабуль-Дарьѣ. Въ исторіи Старшихъ дворовъ мы читаемъ, что „Гибинскія земли ровны; климатъ умѣренный; растутъ му-су¹⁾ и другія травы; также разныя деревья, свойственныя теплымъ странамъ. Сѣютъ всякій хлѣбъ; разводятъ виноградъ и другіе плоды. Сады и поля удобряются навозомъ. По влажности подпочвенной земли родится сарацинское пшено²⁾. Даже зимой ѣдятъ свѣжій овощъ“³⁾. Въ Угѣшаньлы „по теплотѣ климата и влажности почвы сѣютъ сарацинское пшено“. „Угѣшаньлинская страна жаргая и ровная“. Въ Аньси „ведутъ осѣдлую жизнь и занимаются земледѣліемъ; сѣютъ рисъ и пшеницу, дѣлаютъ вино изъ винограда“⁴⁾. О Давани кромѣ того говорится, что „даванцы ведутъ осѣдлую жизнь, занимаются земледѣліемъ, сѣютъ рисъ и пшеницу⁵⁾. „Въ Даванскомъ владѣніи вездѣ дѣлаютъ виноградное вино. Богатые дома запасаютъ его въ большихъ количествахъ и оно нѣсколько десятковъ лѣтъ хранится безъ порчи. Даванцы любятъ вино; лошади ихъ любятъ траву му-су“⁶⁾.

Въ дополненіе приведемъ еще данныя и о нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ странахъ. Такъ о владѣніи Наньду, подъ которымъ надо понимать теперешнее Бухарское ханство, говорится, что „тамъ сѣютъ всякій хлѣбъ; есть виноградъ и другіе плоды“⁷⁾. Наоборотъ, въ странахъ Таримскаго бассейна (Шаншань, Вынь-су) „почва земли песчана и солонковата, почему земледѣлства мало, а хлѣбомъ пользуются изъ сосѣдственныхъ владѣній“⁸⁾.

Данныя, сообщаемыя китайскими историками о странахъ Туркестана, носятъ, какъ видимъ, такой же общій характеръ, какъ и извѣстія греческихъ географовъ и историковъ Александра Македонскаго. Насколько въ этихъ описаніяхъ сглажены особенности отдѣльныхъ странъ, можно видѣть уже изъ того, что китайскіе историки характеризуютъ климатическія и почвенныя условія Ферганы, Персіи и владѣній, расположенныхъ въ верховьяхъ Инда, однѣми и тѣми же чертами. Трудно допустить, однако, чтобы страны эти, все же довольно отличныя другъ отъ друга, не представляли въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена никакого различія въ отношеніи природныхъ условій.

Теперь мы постараемся свести въ одно цѣлое извѣстія древнихъ о естественныхъ особенностяхъ Туркестанскихъ владѣній и затѣмъ полученную картину сравнимъ съ состояніемъ странъ въ настоящемъ ихъ положеніи. Но древніе, какъ мы видѣли, не оставили намъ данныхъ ни

¹⁾ По мнѣнію Миддендорфа (Очерки Ферганской долины, стр. 235) люцерна.

²⁾ Просо.

³⁾ Такинфъ. Собрание свѣдѣній т. III стр. 48.

⁴⁾ Тамъ же т. III стр. 7.

⁵⁾ Тамъ же т. III стр. 4.

⁶⁾ Тамъ же т. III стр. 59.

⁷⁾ Тамъ же т. III стр. 47.

⁸⁾ Тамъ же т. III стр. 39 и 77.

о средних температурахъ, ни о господствующихъ вѣтрахъ, ни о количествѣ выпадающихъ осадковъ, иначе говоря, ни одного изъ тѣхъ цифровыхъ выраженій, которыя бы дали возможность, послѣ сравненія ихъ съ имѣющимися для настоящаго времени, говорить о происшедшихъ измѣненіяхъ, вполне точно устанавливая степень этихъ перемѣнъ. Всѣ дошедшіе до насъ свѣдѣнія заключаются въ такихъ общихъ описаніяхъ, какъ напримѣръ, „страна суровая, дождливая; почва песчаная и солонковатая“—описаніяхъ, относящихся при этомъ къ громаднымъ территориямъ, весьма различнымъ въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ по характеру рельефа. Въ виду этого, говоря о сопоставленіи природныхъ условій теперешняго времени и древнихъ вѣковъ, мы имѣемъ въ виду сравненіе лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о болѣе или менѣе точномъ учетѣ сопоставляемыхъ элементовъ.

Изъ дошедшихъ до насъ описаній слѣдуетъ, что за 2000 лѣтъ до нашего времени территория теперешней Персіи, ханствъ Хивинскаго и Бухарскаго, а также и Ферганской области имѣла весьма теплый климатъ, допускавшій возможность воздѣлыванія здѣсь риса, винограда и различныхъ плодовыхъ деревьевъ; климатъ являлся настолько благоприятнымъ, что даже въ зимній періодъ возможно было получать свѣжіе овощи. Въ силу этихъ климатическихъ особенностей, такъ благоприятно слагавшихся для земледѣльческаго промысла, населеніе въ этихъ областяхъ уже въ тѣ времена было осѣдлымъ и имѣло много городовъ и селеній.

Надо думать, что въ прежніе вѣка, также какъ и теперь, земледѣліе въ описываемыхъ странахъ возможно было только при условіи искусственнаго полива. Это можно заключить изъ приведеннаго выше разсказа Геродота, что хотя жителямъ Харазміи, Гиркании, Парфіи и друг. владѣній „божество и даетъ зимою дождь, какъ и прочимъ народамъ, но лѣтомъ, когда они пшено и сисамъ сѣютъ, имѣютъ недостатокъ въ водѣ“ 1). А также у Квинта Курція мы читаемъ, что почва Бактріи „жирная, хорошо орошенная и богатая источниками“, но, нишесть оиъ дальше, „большая часть страны покрыта сверху голымъ пескомъ; иссушенная за недостаткомъ влаги, она не кормитъ человѣка и не приноситъ плодовъ“ 2). Такимъ образомъ, изъ послѣднихъ словъ ясно, что неорошенныя пространства, въ виду малаго количества атмосферныхъ осадковъ, превращаются въ бесплодныя пустыни и что воздѣлываніе растений въ описываемыхъ районахъ возможно только при условіи искусственнаго полива.

Рядомъ съ этими культурными оазисами древнихъ странъ мы видимъ огромныя площади, занятыя песчаными пустынями. Такія пустыни есть какъ въ Бактріи, такъ и въ Согдіанѣ, т.-е. по ту и другую сторону Аму-Дарьи. Дневныя жары въ этихъ песчаныхъ пространствахъ настолько сильны, что передвиженіе возможно только по ночамъ, при-

1) Геродотъ.

2) Квинтъ Курцій. Исторія объ Александрѣ Македонскомъ Спб. 1819 г. стр. 93

чемъ руководствоваться приходится звѣздами. Въ этихъ же странахъ на площадяхъ съ болѣе умѣреннымъ климатомъ, каковыя нужно искать по предгрямъ проходящихъ здѣсь Гиндукуша и Гиссарскаго хребтовъ, воздѣлываются зерновые хлѣба 1). Склоны горныхъ хребтовъ или совершенно голые или покрыты скудной растительностью, но, несмотря на это, мѣстное населеніе не оставляетъ ихъ не использованными: оно гоняетъ сюда свой скотъ. Самые хребты горъ покрыты снѣгомъ. Къ востоку за цѣпью горъ Памира и Тянь-Шаня въ Таримскомъ бассейнѣ тянутся песчанья, солцеватья равнины; мѣстами, около горныхъ грядъ, почва каменистая. Въ этомъ районѣ, въ виду плохого качества земель, земледѣльство развито слабо и населеніе принуждено покупать хлѣбъ изъ сосѣднихъ странъ.

По сѣвернымъ склонамъ Тянь-Шаня въ районѣ озера Иссыкъ-куль и верховьевъ р. Или климатъ является уже довольно суровымъ, а такъ какъ здѣсь выпадаетъ много атмосферныхъ осадковъ, то травянистый покровъ степей, идущихъ къ сѣверу отъ подошвы горъ, весьма богатъ; склоны же хребтовъ покрыты хвойнымъ лѣсомъ. Далѣе, въ степяхъ, по правую сторону Сыръ-Дарьи, лѣтній зной достигаетъ значительной степени; почва по берегу рѣкъ, какъ это можно заключить изъ описанія походовъ Александра Македонскаго, мѣстами солонцеватая съ испорченной водой.

Уже болѣе умѣреннымъ является климатъ степей, прилегающихъ къ Каспійскому и Черному морямъ; жителямъ Греціи онъ казался даже суровымъ. Во время продолжительной зимы здѣсь выпадаетъ довольно много снѣга, а холода бываютъ настолько значительны, что Азовское море и проливъ, соединяющій его съ Чернымъ, замерзаютъ.

Таковы были естественныя особенності различныя странъ Востока за 2.000 лѣтъ до нашего времени. Если теперь мы прочтемъ описанія этихъ странъ, составленныя путешественниками послѣдняго времени: Миддендорфомъ, Сѣверцевымъ, Вамбери, Мушкетовымъ, Федченко, Сапожниковымъ и друг., то увидимъ тѣ же культурные оазисы съ высокоцѣбными растеніями на орошаемыхъ пространствахъ Хивы, Бухары, Ферганской области и прилегающихъ территорій; тѣ же песчанья пустыни по низовьямъ Аму-Дарьи; горы съ снѣговыми вершинами, покрытыя по склонамъ слабою растительностью; знойныя степи по Сыръ-Дарьѣ, богатые атмосферными осадками сѣверные склоны Тянь-Шаня и т. д. Сходство въ этихъ общихъ описаніяхъ настолько полное, что какъ будто древніе писали картину прошлаго со странъ въ теперешнемъ ихъ состояніи. Но возможенъ-ли отсюда выводъ, что естественныя условія въ тѣ времена были таковыми же, какъ и въ настоящій моментъ, т. е. за послѣдніе 2 тыс. лѣтъ не произошло никакихъ измѣненій въ отношеніи климата, качества почвъ, состава растительнаго покрова, условій орошенія и проч.? Дать на поставленный вопросъ опредѣленный отвѣтъ не позволяетъ крайняя скудость дошедшихъ до насъ извѣстій. Но можно, повидимому, сказать, что условія веденія хозяй-

ства, поскольку они зависят отъ природныхъ особенностей мѣстности, если и измѣнились за двухтысячелѣтній періодъ времени, то это измѣненіе было не особенно значительнымъ.

Существованіе въ отдаленныя отъ насъ времена въ Арало Каспійской низменности воднаго бассейна и постепенное его высыханіе, а также тотъ фактъ, установленный метеорологическими наблюденіями, что количество испаряющейся влаги въ Туркестанѣ превышаетъ выпадающіе осадки ¹⁾, все это можетъ дать основанія для предположеній, что прежде климатъ Туркестанскаго края и сопредѣльныхъ странъ былъ влажнѣе, чѣмъ теперь; количество осадковъ было значительнѣе, рѣки вслѣдствіе этого многоводнѣе. Результатомъ этого могла быть, наряду съ меньшимъ процентомъ земель пустынныхъ и выжженныхъ лѣтнимъ зноемъ, большая пригодность культурныхъ площадей для земледѣльческаго и скотоводческаго хозяйства. Дѣйствительно ли это было такъ, дошедшія до насъ извѣстія не даютъ на поставленный вопросъ категорическаго отвѣта. Но данныя о существованіи и въ тѣ времена огромныхъ песчаныхъ пустынь по Аму-Дарьѣ, солончаковъ по правому берегу Сыръ-Дарьи, „песчаныхъ и солонковатыхъ земель“ на плоскогоріи Таримскаго бассейна указываютъ намъ, что врядъ ли могла быть за этотъ періодъ значительная разниа въ климатѣ, которая бы замѣтно отразилась, какъ на веденіи хозяйства, такъ и на взаимномъ распредѣленіи удобныхъ и неудобныхъ земель.

Наступившій періодъ отъ II-го вѣка до Р. Х., т. е. отъ того времени, къ которому относятся китаяскія извѣстія о Западномъ Краѣ, вплоть до половины перваго тысячелѣтія послѣ Р. Х., отличаются крайней бѣдностью, дошедшихъ до насъ извѣстій о странахъ Средней Азии. За эти 7 вѣковъ Туркестанъ былъ наводняемъ полчищами кочевниковъ, которые двигались изъ нѣдръ Монголіи въ Европу покоряя встрѣчавшіяся по пути племена. Эти движенія народовъ, ихъ постоянныя войны между собой создавали, конечно, крайне неблагоприятныя условія для ознакомленія со странами Туркестана. Но будемъ разсматривать по порядку происходившія событія.

Имперія хунновъ существовала недолго; уже въ концѣ I-го вѣка до Р. Х., вслѣдствіе внутреннихъ смуть, а также и неудачъ въ столкновеніяхъ съ Китаемъ хунны раздѣлились на южныхъ и сѣверныхъ; первые векорѣ подчинились Китаю, часть же вторыхъ ушла „на западъ въ Кангюй“ ²⁾, пройдя вдоль сѣверныхъ склоновъ Тянь-Шаня. Но въ Кангюѣ, т. е. въ Сыръ-Дарьинскихъ степяхъ, хунны не остались; какъ сообщаютъ китайскіе историки, они въ первой половинѣ IV в. по Р. Х. покорили владѣніе Судэ, находившееся къ сѣверу, отъ Каспійскаго моря ³⁾, а въ 375 г., какъ извѣстно, хунны появляются уже въ Европѣ. Такимъ образомъ, надо думать, что во владѣніи Кангюй хунны пробыли около двухъ вѣковъ, но, какъ кочевой народъ, они врядъ ли

¹⁾ А. Schwarz. Turkestan. Freiburg. 1900 стр. 572.

²⁾ Такнвѣ собран. свид. т. III стр. 163.

³⁾ Тоже стр. 166

имѣли тамъ какую-либо осѣдлость. Что хунни дѣйствительно были кочевниками — слѣдуетъ изъ слѣдующей характеристики ихъ, приводимой „Исторіей Старшихъ Дворовъ“. „Обитая за сѣверными предѣлами Китай, переходятъ со своимъ скотомъ съ однихъ пастбищъ на другія. Не имѣютъ ни городовъ, ни осѣдлости, ни земледѣлія, но у каждаго (рода) есть отдѣльный участокъ земли. Начиная съ владѣтелей, всѣ питаются мясомъ домашняго скота, одѣваются кожами его, прикрываются шерстянымъ и мѣховымъ одѣяніемъ. Сильные ѣдятъ жирное и лучшее, устарѣвшіе питаются остатками послѣднихъ. Молодыхъ и крѣпкихъ уважаютъ, устарѣвшихъ и слабыхъ мало цѣнятъ“ 1).

Черезъ нѣсколько вѣковъ тѣмъ же путемъ хунновъ прошли изъ Монголіи въ Европу жужане. Этотъ народъ — тюркскаго племени, появившійся въ южно-русскихъ степяхъ въ VI ст., былъ извѣстенъ византійскимъ писателямъ подъ именемъ аваровъ, въ русскихъ же лѣтописяхъ онъ зовется обрами. О продолжительности пребыванія въ Западномъ Туркестанѣ этого народа мы также не имѣемъ никакихъ извѣстій. Не знаемъ мы и того, отразилось ли въ чемъ либо нашествіе жужанъ на кочевыхъ народахъ, обитавшихъ въ приаркартскихъ степяхъ. Возможно, конечно, предполагать, что часть издавна кочевавшихъ здѣсь племенъ была увлечена потокомъ хунновъ и жужанъ въ Европу, а въ свою очередь и эти пришлые народы оставляли болѣе слабый, неспособный для продолжительныхъ и трудныхъ передвиженій элементъ въ Туркестанской равнинѣ.

Вслѣдъ за жужанами на сцену выступаютъ турки-тукю. По мнѣнію ориенталистовъ, это народъ также тюркскаго происхожденія, что можно заключить по дошедшимъ до насъ отдѣльнымъ словамъ. Родиною турковъ-тукю была Монголія. Постепенно усиливаясь, они покоряли себѣ и сосѣднія страны, лежащія на западѣ. Наибольшаго могущества турки-тукю достигли при ханѣ Дизавулѣ (съ 553 г.), который въ нѣсколько лѣтъ покорилъ всѣ страны отъ Кореи до береговъ Каспійскаго моря 2). Свою резиденцію онъ перенесъ въ мѣстность Цянь-цюань, т. е. „тысяча ключей“, называющуюся впоследствии у мусульманъ Минбулакъ. Название „Цянь-цюань“ мы встрѣчаемъ у китайскаго путешественника VII вѣка Сюань-цзяня 3). Какъ видно изъ его описаній, мѣстность эта можетъ быть приурочена къ теперешнему Меркенскому округу, изобилующему водными источниками, берущему начало съ хребта Алатау.

Со времени владычества Дизавула относится появленіе дальнѣйшихъ извѣстій о Западномъ Туркестанѣ, прекратившихся было съ начала великаго переселенія народовъ. Эти извѣстія были результатомъ возникшихъ сношеній Византіи съ турками.

Уже съ древнихъ поръ, вѣроятно, даже въ доисторическій періодъ, между странами Туркестана и Китаемъ велась торговля шелкомъ, и,

1) Гакцифъ собран. свѣд. т. I стр. 2 и 3.

2) Richthofen. China т. I стр. 526.

3) Тамъ-же т. I стр. 526.

несмотря на дальній и трудный путь, торговые караваны направлялись какъ съ той, такъ и другой стороны упомянутыми выше путями. Но съ началомъ движенія кочевыхъ народовъ эти торговые пути, вошедшіе частью во владѣнія кочевниковъ, становятся небезопасными, и по-этому сношенія между отдаленными странами прекращаются. Когда отдѣльныя владѣнія были объединены подъ однимъ общимъ господствомъ турковъ-тукю и, такимъ образомъ, торговыя дороги стали доступными, тогда естественно возникъ вопросъ о возобновленіи прекратившагося обмѣна товаровъ. Инициатива этого дѣла принадлежала хану Дивавулу, отправившему посольство въ Византію къ царствовавшему тогда Юстиніану II. Отвѣтомъ на него было посольство изъ Византіи, во главѣ котораго стоялъ Земархъ; онъ отправился изъ Византіи въ 569 году и проѣхалъ къ сѣверу отъ Каспійскаго моря черезъ нынѣшнія киргизскія степи къ горамъ Эктагъ. Изъ дошедшихъ до насъ выдержекъ о его путешествіи мы узнаемъ, что по правому берегу Сыръ-Дарьи жилъ подвластный туркамъ народъ—холи, подъ которымъ, по мнѣнію ориенталистовъ, нужно понимать племя канклы.

Но турковъ-тукю постигла такая же участь, какъ и предшествовавшихъ имъ кочевыхъ народовъ, а именно: послѣ періода возвышенія начались внутреннія междоусобія, результатомъ чего явилось раздѣленіе владѣнія и упадокъ могущества. Въ началѣ VII столѣтія (634 г.) турки были разбиты китайцами, которые и начали съ этого момента распространять свое владычество на страны Туркестана, бывшія до сего времени подвластными кочевникамъ. Это подчиненіе странъ Западнаго Туркестана Китаю происходило совершенно мирнымъ путемъ безъ пролитія крови, что объясняется по мнѣнію Richthofen'a¹⁾ появленіемъ на югѣ еще болѣе страшнаго врага въ лицѣ сарацинъ. Обитатели туркестанскихъ владѣній, видя надвигающіяся полчища совершенно чуждаго для нихъ народа, считали болѣе выгоднымъ подчиниться Китаю, какъ странѣ отдаленной и отрѣзанной высокими горными хребтами, съ которой еще въ древнія времена были торговыя сношенія. Такимъ путемъ добровольнаго подданства западныхъ странъ, владычество Китая достигло къ срединѣ VII столѣтія береговъ Каспійскаго моря. Это подчиненіе Китаю Туркестанскихъ владѣній было чисто вассальнымъ; правителю, признавшему надъ собою власть Китая, въ знакъ того, что онъ оставался господиномъ въ своей странѣ и считался подъ защитою Китая, выдавался особый патентъ и печать; во внутренніе же распорядки страны суверенное правительство совершенно не вмѣшивалось.

Возобновленныя при тюркахъ сношенія между Западнымъ Туркестаномъ и Китаемъ въ этотъ періодъ китайскаго владычества еще болѣе усиливаются, и мы видимъ цѣлый рядъ посольствъ, какъ отправляемыхъ въ Китай со стороны арабовъ, персовъ и другихъ Туркестанскихъ народовъ, такъ и отвѣтныхъ изъ Китая. Съ этимъ оживленіемъ сношеній находится въ непосредственной связи и расшпреніе знаній по

¹⁾ Richthofen China т. I стр. 531.

географіи странъ, лежащихъ вдоль Окса и Яксарта. Но независимо отъ этого, уже исключительно въ цѣляхъ большаго знакомства съ подвластными народами, китайское правительство учреждаетъ въ отдѣльныхъ своихъ владѣніяхъ особыя должности, въ задачу которыхъ входило описаніе нравовъ и обычаевъ мѣстныхъ племенъ. Кромѣ того, ознакомленію съ странами Туркестана способствовали также и путешествія, предпринимаемыя отдѣльными лицами по собственному почину. Изъ этихъ послѣднихъ особенно цѣнными для насъ являются семнадцатилѣтнія странствованія буддійскаго монаха Сюань-цзяня (629—645 г.) изъ Китая въ Индію. На своемъ переднемъ пути Сюань-цзянь проѣзжалъ отъ оз. Иссыкъ-куля вдоль сѣвернаго склона Тянь-Шаня и Таласскаго Алатау на Ташкентъ, т. е. какъ разъ по тѣмъ мѣстамъ, о которыхъ у насъ и идетъ рѣчь. Въ виду особеннаго интереса записокъ о путешествіи буддійскаго монаха, приводимъ ихъ цѣликомъ въ той части, которая касается разсматриваемой территоріи и прилегающихъ къ ней районовъ.

„Сдѣлавъ около 400 ли по горамъ, онъ достигъ большого озера называемаго Thsing-tchi (Иссыкъ-куль¹). Въ окружности оно имѣетъ около тысячи ли; оно вытянуто съ востока на западъ и сужено съ юга на сѣверъ. Со всѣхъ сторонъ оно окружено горами; множество рѣчекъ впадаетъ въ него. Цвѣтъ воды—зеленовато-черный, и ея вкусъ—солёный и горькій...

Проѣхавъ около 500 ли на сѣверо-западъ отъ озера Thsing-tchi, онъ достигъ города на рѣкѣ Sou-ye (Чу). Этотъ городъ шесть ли въ окружности; это мѣсто свиданія торговцевъ различныхъ владѣній. Почва удобна для краснаго проса, для пшеницы и винограда; деревья лѣсовъ тамъ растутъ просторно. Такъ какъ климатъ очень холодный и господствуютъ ледяные вѣтра, жители носятъ одежду изъ валеной шерсти.

На западъ отъ Sou-ye можно видѣть нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ городовъ. Въ каждомъ городѣ утверждены начальники, которые независимы другъ отъ друга; но всѣ они подвластны Tou-Kiou (туркамъ-тукю).

Отъ города на рѣкѣ Sou-ye до владѣнія Kie'choangna (Кацаппа) страна называется Sou-li, и жители носятъ то же имя; это названіе прилагается какъ въ письмѣ, такъ и въ разговорѣ. Основные формы письменныхъ знаковъ немногочисленны; они сводятся къ тридцати двумъ буквамъ, которыя, комбинируясь вмѣстѣ, мало по мало даютъ начало большому числу словъ. Жители имѣютъ едва нѣсколько историческихъ записокъ. Они читаютъ тексты сверху внизъ и передаютъ взаимно содержаніе книгъ; этимъ путемъ книжное преподаваніе продолжается безъ перерыва. Они носятъ одежды изъ хлопка, шерсти и шкуръ; одежды эти узки и стѣснительны. Они собираютъ свои волосы и оставляютъ

¹) Поясненіе, какъ и всѣ дальнѣйшія, относящіяся къ путешествію Сюань-цзяня, принадлежатъ комментатору.

непокрытой свою голову, иногда они ихъ сбрасываютъ совершенно. Они закрываютъ свое лицо кускомъ шелка. Они имѣютъ высокое сложеніе, но ихъ характеръ мягкій и трусливый. Въ ихъ нравахъ преобладаютъ обманъ и ложь и большая часть изъ нихъ живутъ обманомъ и подлогомъ. Въ общемъ, они—очень алчны. Отецъ и сыновья ни о чемъ не грезятъ, кромѣ выгоды. Болѣе богатые являются и болѣе уважаемыми; но ничто не отличаетъ богатаго отъ бѣднаго. Даже, когда человѣкъ имѣетъ несмѣтное богатство, онъ носитъ старую одежду и питается простой пищей. Половина населенія обрабатываетъ поля, а другая живетъ отъ торговли“.

Сдѣлавъ около 400 ли къ западу отъ рѣки Sou-ye, онъ достигъ Тысячи-Ключей (Мынь-булакъ). Страна Тысячи-Ключей около 200 ли въ окружности. Съ юга она ограничена снѣжными горами, а съ трехъ остальныхъ сторонъ ровной площадью. Земля обильно орошена, и деревья лѣсовъ представляютъ собою прекрасную растительность. Въ послѣдній мѣсяцъ весны всевозможные цвѣты сверкаютъ на землѣ, какъ богатая выпивка. Тамъ есть тысяча водоемовъ текущей воды, откуда и идетъ названіе Тысячи Ключей. Ханъ Тсу-Кіоуе (турковъ) приходитъ каждый годъ въ эту мѣстность, чтобы избѣжать жаровъ лѣта.

Сдѣлавъ сто сорокъ или сто пятьдесятъ ли къ западу отъ Тысячи-Ключей, онъ прибылъ въ городъ Та-ло-ссе¹⁾, который имѣетъ въ окружности восемь или девять ли. Торговцы различныхъ странъ обитаютъ здѣсь какъ ни попало. Для того, кто обращаетъ вниманіе на продукты земли и климатъ, эта страна напоминаетъ такую-же по Sou-ye.

Сдѣлавъ около десяти ли на югъ, онъ встрѣтилъ отдѣльный городъ; онъ содержалъ около трехсотъ семействъ китайскаго происхожденія. Въ древнее время они были увлечены насильственно турками-тукю. Впослѣдствіи эти китайцы соединились съ большимъ числомъ ихъ соотечественниковъ, чтобы заботиться вмѣстѣ съ ними о защитѣ этого города и, въ концѣ концовъ, здѣсь обосновались. Они скоро приняли костюмъ и вкусы турковъ тукю, но сохранили языкъ и обычаи своего отечества.

Отправившись отъ этого владѣнія, онъ сдѣлалъ около двухсотъ ли на юго-западъ и достигъ города Pechouï, стоящаго на Бѣлой-водѣ²⁾. Этотъ городъ - шесть или семь ли въ окружности. По отношенію продуктовъ земли и природы климата эта страна приноситъ больше, чѣмъ Та-ло-ссе.

Сдѣлавъ около двухсотъ ли къ юго-западу, онъ достигъ города Kong-yu, который имѣлъ пять или шесть ли въ окружности; равнины были тучныя и плодородныя; фруктовые сады и лѣса представляли пышную растительность. Отсюда онъ сдѣлалъ сорокъ или пятьдесятъ ли къ югу и достигъ владѣнія Non-tchi-Kien³⁾.

1) По мнѣнію Richthofen'a—Аулиеата—China т. I, стр. 542.

2) Рѣчка Ак-су въ Чимкентскомъ уѣздѣ.

3) По мнѣнію Richthofen'a Чимкентскій округъ.—China т. I, стр. 543.

Владѣніе Non-tchi-Kien. Это владѣніе имѣетъ въ окружности около тысячи ли. Почва плодородна и даетъ богатую жатву; травы и деревья представляютъ собою прекрасную растительность, цвѣты и фрукты растутъ въ изобиліи. Собираютъ въ большомъ количествѣ виноградъ, который очень цѣнится. Здѣсь существуетъ до сотни городовъ, изъ которыхъ каждый подчиняется особому начальнику. Эти начальники являются господами ихъ движеній и ихъ поступковъ, и совершенно не подчинены одинъ другому. Но хотя ихъ области имѣютъ точныя границы, всѣхъ ихъ понимаютъ подъ общимъ именемъ Non-tchi-Kien. Оставивъ эту страну, онъ сдѣлалъ около 200 ли къ западу и достигъ владѣнія Tche-chi 1).

Владѣніе Tche-chi. Владѣніе Tche-chi имѣетъ въ окружности около тысячи ли. Къ западу оно находится по сосѣдству съ рѣкой Уе²⁾. Оно сѣужено съ востока на западъ и вытянуто съ юга на сѣверъ. Для тѣхъ, кто обращаетъ вниманіе на произведенія почвы и на природу климата, оно напоминаетъ владѣніе Non-tchi-Kien. Здѣсь есть нѣсколько десятковъ большихъ и малыхъ городовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особаго начальника. Такъ какъ не существуетъ государя, который бы имѣлъ общее управленіе, то они подчиняются туркамъ-туку.

Владѣніе Fei-han. Владѣніе Fei-han имѣетъ четыре тысячи ли въ окружности. Со всѣхъ сторонъ оно окружено горами. Земля тучна и плодородна; она даетъ обильную жатву, большое количество цвѣтовъ и фруктовъ. Эта страна удобна для разведенія овецъ и козъ. Климатъ вѣтряный и холодный. Люди отъ натуры крѣпкіе и мужественные; ихъ языкъ отличается отъ другихъ народовъ, ихъ фигуры некрасивы и неблагородны. Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ эта страна не имѣетъ верховнаго начальника. Волѣ могущественные изъ населенія, вооружившись, борются и остаются независимыми отъ другихъ. Чувствуя себя защищенными рѣками и природными преградами, они провели границы своихъ территорій и занимаютъ каждый отдѣльное мѣстожителство.

Отправившись изъ этой страны по направленію къ западу, онъ сдѣлалъ около тысячи ли и достигъ владѣнія Son-ton-li-se-na. Владѣніе Son-ton-li-se-na имѣетъ полторы тысячи ли въ окружности. Къ востоку оно граничитъ съ рѣкой Уо. Рѣка выходитъ съ полуночнаго плоскогорья горъ Tsong-ling и течетъ на сѣверо-западъ. То она тихо несетъ свои плыстыя воды, то катитъ ихъ съ шумомъ и стремительностью. Въ отношеніи продуктовъ почвы и нравовъ это владѣніе имѣетъ сходство съ владѣніемъ Tche-chi. Съ тѣхъ поръ, какъ оно имѣетъ правителя, оно подчиняется Tou-kiou.

Отправившись изъ этого владѣнія въ направленіи къ сѣверо-западу, вступаютъ въ громадную песчаную пустыню, гдѣ не видно ни воды, ни травы. Дорога тянется на далекомъ разстояніи, и невозможно опредѣлить границы. Нужно смотрѣть вдаль на нѣкоторые высокія го-

1) По Richthofen'у. Ташкентъ. China т. I, стр. 543.

2) Сыръ-Дарья (поясненіе комментатора).

ры и искать покинутыя кости мертвых' чтобы знать, какъ направлять и узнавать путь, по которому нужно слѣдовать. Сдѣлавъ около пяти сотъ ли, онъ достигъ владѣнія Sa-mo-Kien" 1). 2).

Въ описаніяхъ Сюань-цзюня прежде всего крайне любопытными являются его замѣтки о природныхъ условіяхъ посѣщенныхъ имъ странъ.

О владѣніяхъ, расположенныхъ по сѣверному склону Западнаго Тянь-Шаня и Таласскаго Алатау, онъ говоритъ, что почвы тамъ тучныя и плодородныя, въ районѣ же Тысячи-Ключей и „обильно орошенныя“. Здѣсь подъ словомъ орошенія нужно, повидимому, понимать искусственный поливъ, при чемъ этотъ поливъ въ мѣстности, богатой ключами, былъ и наиболѣе обилень. Растительность названныхъ странъ описывается богато развитой, въ весенній періодъ она бываетъ украшенной массой всевозможныхъ цвѣтовъ. По словамъ Сюань-цзяня земли этихъ владѣній пригодны для воздѣлыванія краснаго проса, пшеницы и винограда, послѣдняго особенно много собиралось въ Non-tchi-Kien, т. е. теперешнемъ Чимкентскомъ округѣ.

На пути своемъ Сюань-цзяню встрѣчалось много фруктовыхъ садовъ и лѣсовъ. О лѣсахъ онъ пишетъ, что деревья въ нихъ растутъ раздѣльно; изъ этихъ словъ можно вывести заключеніе, что здѣсь идетъ рѣчь объ искусственныхъ посадкахъ, которыя производятся и теперь мѣстнымъ населеніемъ около своихъ усадебъ. Но хотя Сюань-цзянь и говоритъ о плодовыхъ садахъ и виноградникахъ, отсюда все же нельзя дѣлать вывода, что климатъ описываемыхъ странъ былъ особенно жаркимъ. Тутъ же дальше, характеризуя владѣніе, расположенное по р. Чу, онъ пишетъ, что климатъ здѣсь очень холодный, господствуютъ ледяные вѣтры, почему жители носятъ шерстяную одежду. Такимъ же вѣтрянымъ и холоднымъ онъ описываетъ и климатъ Ферганы. Выраженіе холодный климатъ является, конечно, весьма относительнымъ понятіемъ; гораздо точнѣе опредѣляютъ сущность вопроса съ одной стороны возможность воздѣлыванія въ данной мѣстности винограда и съ другой—необходимость въ теплой одеждѣ. Если мы примемъ во вниманіе, что и теперь въ равнинной площади около Чимкента въ садахъ встрѣчаются виноградники, и что зимой температура здѣсь опускается до—25° Ц., то увидимъ, что приводимая Сюань-цзянемъ характеристика климата странъ вдоль сѣвернаго склона Западнаго Тянь-Шаня можетъ относиться съ равнымъ правомъ и къ настоящему моменту.

По дорогѣ отъ оз. Иссык-куля до Самарканда Сюань-цзянь проѣхалъ нѣсколько отдѣльныхъ владѣній; всѣ они за исключеніемъ Fei-han (Фергана), окруженнаго горами, подчинялись туркамъ-тукю, причѣмъ въ каждомъ отдѣльномъ мѣстечкѣ владѣній былъ особый начальникъ, независимый отъ сосѣдняго. Это противопоставленіе покореннаго народа и господствующаго показываетъ, что мѣстное населеніе посѣщенныхъ Сюань-цзянемъ странъ было не изъ племени турковъ-тукю.

1) Самаркандскій округъ.

2) Memoires sur les contrées occidentales traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648 par. Hiunen Phsang et du chinois en français par. M. Julien т. I, стр. II.

Изъ описанія путешествія буддійскаго монаха слѣдуетъ, что къ западу отъ рѣки Чу жилъ народъ по имени Sou-li; онъ былъ высокаго сложенія, но по характеру мягкій и трусливый; къ его отличительнымъ чертамъ нужно еще отнести алчность, жажду выгоды и склонность ко лжи и обману. Изъ китайскихъ источниковъ, относящихся ко II-му вѣку до Р. Х., мы видимъ, что какъ разъ въ этой мѣстности остался жить, вытѣснивъ отсюда юэджи, народъ усунь. Изъ тѣхъ же источниковъ мы узнаемъ, что въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х. усуни раскололись на двѣ вѣтви; меньшая изъ нихъ ушла на западъ къ Уралу, а другая осталась и образовала могущественное государство. Но уже въ IV вѣкѣ это сильное владѣнiе подъ давленiемъ движущихся съ востока народовъ начало распадаться; часть народа усунь перешла на Яксартъ, а другая въ нынѣшнюю киргизскую степь на Иртышъ; оставшаяся должна была въ VII вѣкѣ покориться усилившемуся къ этому времени племени турковъ-туку. Такимъ образомъ, въ этомъ племени Sou-li мы, вѣроятно, и видимъ древнихъ усуней.

О народахъ, обитавшихъ далѣе къ западу, — Сюань-цзянь ничего не пишетъ, онъ упоминаетъ только, что въ 5 верстахъ къ югу отъ теперешняго города Аулиеата есть городъ, населенный китайцами, которые были насильственно приведены сюда турками-туку. Въ указанномъ китайскимъ путешественникомъ мѣстѣ и до сего времени существуютъ два дунганскихъ киплака.

Возвращаясь къ народамъ, обитавшимъ во времена Сюань-цзяня въ теперешнемъ Аулиеатинскомъ и Чимкентскомъ округѣ, нужно сказать, что населенiе это было одного происхожденiя съ усунями, т. е. было тюркскимъ; это слѣдуетъ изъ противопоставленiя, которое дѣлаетъ Сюань-цзянь, сравнивая населенiе Ферганы съ племенами, обитавшими въ сосѣднихъ областяхъ. Характеризуя жителей Ферганы, Сюань-цзянь говоритъ, что по природѣ своей они крѣпки и могущественны, хотя фигуры ихъ некрасивы и неблагородны. Языкъ, на которомъ они говорятъ, отличается отъ языка другихъ народовъ. Выше мы уже видѣли, что съ давнихъ временъ замкнутая равнина теперешней Ферганской области была занята племенами арийскаго происхожденiя, потомковъ которыхъ мы тамъ встрѣчаемъ и теперь въ лицѣ таджиковъ и гильча. Такимъ образомъ, населенiе равнины, расположенныхъ къ сѣверо-западу отъ Таласскаго Алатау, столь отличное по типу и языку отъ арийскихъ племенъ, обитавшихъ въ Ферганѣ, несомнѣнно, было тюркскимъ, такъ какъ другихъ племенъ въ этотъ періодъ въ приуральской мѣстности еще не было. Но Сюань-цзянь не называетъ имени, обитавшихъ здѣсь народовъ, поэтому изъ его описанiй нельзя вывести, какія же тюркскія племена обитали въ то время въ теперешнихъ Чимкентскомъ и Аулиеатинскомъ уѣздахъ. Что касается средняго теченiя Сыръ-Дарьи, то надо думать, что здѣсь жили кангиты, о которыхъ, какъ мы видѣли выше, говорятъ путешественники VI и XIII столѣтiй.

Итакъ, отсюда можно сдѣлать выводъ, что хотя потоки народовъ, двигавшихся изъ глубины Монголіи въ Европу, и увлекали съ собой

известный процентъ населенія, встрѣчавшагося имъ по пути, но все же значительная часть этого послѣдняго оставалась на своихъ старыхъ мѣстахъ. Несомнѣнно, что и народъ побѣдитель уходитъ не весь, часть его отставала отъ массы и сливалась съ покоренными племенами.

Далѣе, въ запискахъ Сюань-цзяня мы читаемъ, что на своемъ пути отъ озера Иссык-куля до Самарканда онъ проѣхалъ довольно большое количество городовъ. Такъ онъ говоритъ о городѣ на р. Чу, куда съѣзжались торговцы изъ сосѣднихъ владѣній; о городѣ Таласѣ, который по мнѣнію комментаторовъ, соответствуетъ теперешнему Аулие ата; Те-чопі расположенномъ на рѣкѣ Акъ-су; подъ этимъ послѣднимъ нужно, повидимому, понимать нынѣшній кпшлакъ Майкентъ. Описывая владѣніе *Lon-tchi-kien* (Чимкентскій округъ), Сюань-цзянь пишетъ, что въ составъ его входитъ до сотни городовъ, подчиненныхъ отдѣльнымъ начальникамъ. Равнымъ образомъ большое число осѣдлыхъ пунктовъ мы видимъ и во владѣніи *The-ch* (Ташкентскій округъ). Если мы примемъ во вниманіе частія упоминанія о фруктовыхъ садахъ, виноградникахъ, лѣсныхъ насажденіяхъ, далѣе—характеристику почвъ и климата по отношенію къ возможности воздѣлыванія различныхъ продуктовъ полеводства, а также и выраженіе Сюань-цзяня, что половина населенія *sou-li* обрабатываетъ поля, то отсюда мы можемъ сдѣлать несомнѣнный выводъ, что мѣстное населеніе странъ, прилегающихъ къ западному Тянь-Шаню, занималось земледѣльческимъ промысломъ. Фактъ существованія посадокъ и фруктовыхъ садовъ показываетъ далѣе, что населеніе въ известной своей части было безусловно осѣдлымъ. Какой образъ жизни вели остальные, остается неизвѣстнымъ. Правда, говоря о племени *sou-li*, Сюань-цзянь пишетъ, что другая половина живетъ торговлей, но врядъ-ли это соответствовало дѣйствительности, такъ какъ среди каракиргизъ изъ рода уйсунь мы и теперь встрѣчаемъ, если и не чистыхъ кочевниковъ, то полукочевниковъ.

Такимъ образомъ, племена тюркскаго происхожденія, занявъ по ранѣе II-го вѣка до Р. X. земли Туркестанской низменности, принадлежавшія до сего времени сакамъ, мало-по-малу оставляли кочевой образъ жизни и приступали къ обработкѣ земель. Съ какого времени начался этотъ процессъ осѣданія—мы не знаемъ, но уже къ срединѣ VII в. мы находимъ въ равнинахъ вдоль сѣвернаго и западнаго склоновъ Тянь-Шаня цѣлый рядъ земледѣльческихъ поселковъ, окруженныхъ лѣсными насажденіями, фруктовыми садами и пашнями. Тотъ фактъ, что этихъ селеній было не одно, но два, а какъ говоритъ Сюань-цзянь, цѣлыя сотни, даетъ основанія предполагать, что переходъ кочевнаго населенія къ земледѣльческой культурѣ началъ совершаться значительно ранѣе VII вѣка. Послѣдующее нашествіе жуангъ и покореніе этихъ странъ туркамъ-тукою, если и отразилось на хозяйственномъ бытѣ побѣжденнаго населенія, то надо думать, не въ особенно сильной степени, такъ какъ иначе Сюань-цзянь не нашелъ бы на своемъ пути столькихъ, повидимому, благоустроенныхъ поселеній; со времени же усиленія

турковъ до странствованій буддійскаго монаха не прошло и 100 лѣтъ.

Теперь намъ нужно еще сказать нѣсколько словъ относительно тѣхъ культурныхъ растений, на которыхъ основывалось земледѣльческое хозяйство мѣстнаго населенія во времена Сюань-цзяня. Въ своихъ сообщеніяхъ онъ упоминаетъ о красномъ просѣ и пшеницѣ, какъ о растеніяхъ, являющихся наиболее приспособленными для мѣстныхъ условий; надо думать, что эти хлѣба по преимуществу и воздѣлывались осѣдлымъ или полuosѣдлымъ населеніемъ. Говоря о племени, обитавшемъ по р. Чу, Сюань-цзянь пишетъ, что одежда его выдѣлывалась изъ хлопка, шерсти или шкуръ. Такимъ образомъ, уже и въ тѣ времена хлопокъ былъ извѣстенъ въ странахъ, лежащихъ вдоль западнаго Тянь-Шаня, но воздѣлывался ли онъ въ этихъ районахъ, изъ извѣстій, сообщаемыхъ Сюань-цзянемъ—не видно. Итакъ, надо думать, что культура зерновыхъ хлѣбовъ и отчасти плодоводство служили главными источниками доходовъ земледѣльческаго населенія, обитавшаго во времена Сюань-цзяня вдоль Западнаго Тянь-Шаня. Переходимъ теперь къ слѣдующему періоду въ исторіи Туркестана.

Одновременно съ расширеніемъ въ Туркестанѣ китайскаго владычества съ юго-запада не переставалъ подвергаться грозный призракъ въ лицѣ арабскихъ полчищъ. Въ 637 году арабы напали на Персію, въ 713 году они завладѣли Хорезмомъ, а уже въ слѣдующемъ году полководецъ Кутейба совершилъ походъ въ теперешній Ташкентскій округъ и Фергану. Правда, арабы были скоро вытѣснены тюрками изъ бассейна Сыръ-Дарьи, но уже въ 739 году Ташкентскій округъ опять перешелъ въ руки этого новаго народа. Первоначально арабы, повидимому, отказывались отъ покоренія областей, расположенныхъ къ сѣверу отъ долины Чирчика, гдѣ около этого времени, т. е. конца VIII столѣтія на мѣстѣ павшаго владычества турковъ-тукю образовалось два государства кочевыхъ племенъ, а именно: теперешнимъ Семирѣчьемъ и восточной частью Сыръ-Дарьинской области овладѣли карлуки, на низовьяхъ же Сыръ-Дарьи образовалось государство огузовъ, которые, повидимому, представляли собою часть турковъ-тукю, разсѣявшихся послѣ распаденія ихъ обширнаго владѣнія. Но при династии саманидовъ арабы, къ тому времени уже достаточно усилившіеся, распространили свою власть далеко на сѣверо-востокъ отъ Шапской (Ташкентской) области. Такъ, арабскій географъ Якуби (писавшій около 891—892 г.) говоритъ, что на сѣверо-востокъ отъ Самарканда крайнимъ пунктомъ владычества халифата былъ Асфиджабъ¹⁾. Подъ этимъ послѣднимъ именемъ въ эпоху господства арабовъ былъ извѣстенъ теперешній кншлякъ Сайрамъ Чимкентскаго уѣзда; Асфиджабская же область включала въ себя прежде всего всю культурную полосу р. Арысь съ ея притоками, а также и земли теперешняго Аулісатинскаго уѣзда, вдоль сѣвернаго подножья Таласскаго Алатау до р. Таласа. Итакъ, если Якуби, говоря объ Асфиджабѣ, понималъ подъ этимъ именемъ

1) „Землеводніе“ Риттера. Восточн. Туркестанъ т. II, стр. 195.

Асфиджабскій округъ, то нужно признать, что владычество Мавераннагра¹⁾ простиралось до теперешняго г. Аулиеата. Подтверженіе этому предположенію мы находимъ у позднѣйшаго арабскаго писателя Истахри (между 915 и 921 гг.). Говоря объ Мавераннагрѣ, онъ признаетъ сѣверной границей его „прямую черту отъ самыхъ дальнихъ городовъ Ферганы до Тараза“, „городами же, пограничными съ турками къ сѣверо-востоку отъ области Шашской, онъ показываетъ Аспиджабъ и Таразъ“. Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ у него, что „отъ Харазма до Аспиджаба облегаютъ Мавераннагръ Турки-Гузы, отъ Аспиджаба до отдаленнѣйшихъ городовъ Ферганы—Турки-Харлуки“²⁾. Такимъ образомъ, въ періодъ расцвѣта могущества Мавераннагра въ составъ его входила и интересующая насъ территория Чимкентскаго уѣзда.

Посмотримъ теперь, что же представляли изъ себя сѣверо-восточныя страны Туркестана въ эпоху господства арабовъ. Нужно прежде всего отмѣтить, что непосредственно передъ арабскимъ завоеваніемъ основной чертой уклада хозяйственной жизни населенія въ бассейнѣ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи было, по мнѣнію Бартольда³⁾, господство земельной аристократіи (такъ называемыхъ дикхановъ), не сдерживаемой ни сильной монархической властью, ни вліятельнымъ духовенствомъ. Но крупные владѣтели были только первыми дворянами, даже самые сильные изъ нихъ, подобно своимъ подданнымъ, назывались дикханами, поэтому вся разница между владѣтельными князьями и простыми землевладѣльцами заключалась лишь въ размѣрѣ владѣній. Этимъ обстоятельствомъ, а именно: что арабамъ при завоеваніи края пришлось имѣть дѣло со множествомъ мелкихъ владѣній, совершенно разрозненныхъ, а подъ часъ и враждебно настроенныхъ другъ противъ друга, и объясняется та легкость, съ которою распространялось арабское владычество въ Туркестанской низменности. Грознымъ и разрушительнымъ было выступленіе арабовъ на сценѣ Средней Азіи. Единственною цѣлью ихъ стремленій было распространеніе своей власти и могущества надъ владѣніями Туркестана; расширеніе же знаній совершенно не входило въ задачу мусульманина первыхъ вѣковъ, считавшаго, что въ религіи пророка можно найти разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ человѣческаго разумія. Лишь впоследствии, когда арабы начали постепенно пріобщаться къ культурѣ, которую они разрушали при первомъ своемъ выступленіи, Мавераннагръ становится центромъ умственной жизни. Однако, нужно замѣтить, что арабы, несмотря на свои познанія въ математикѣ, были весьма плохими географами; географія у нихъ никогда не была научно разрабатываема. Расширеніе знаній о сосѣднихъ странахъ начинается у арабовъ со второй половины IX и начала X вѣка; къ этому времени и относятся сочиненія цѣлаго ряда историковъ и географовъ, а именно: Ибнъ-Хордадега, Масуди, Якуби,

¹⁾ Владѣнія арабовъ въ Средней Азіи, занимавшее пространство между Аму-Дарьей и Сыръ-Дарьей.

²⁾ Риттеръ. „Землеводѣніе“. Восточный Туркестанъ т. II, стр. 196.

³⁾ Бартольдъ. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія. Спб. 1893 стр. 182.

Истахри и друг. Многіе изъ нихъ лично посѣтили описываемыя страны, остальные же передаютъ извѣстія, слышанныя отъ другихъ. Но, къ сожалѣнію, у арабскихъ писателей мы встрѣчаемся съ такимъ же обобщеніемъ подъ однимъ именемъ малоизвѣстныхъ имъ племень, какое видѣли у греческихъ историковъ. Какъ для послѣднихъ всеобщими племена Туркестана были извѣстны подъ названіемъ варваровъ, такъ и для арабовъ народонаселеніе Средней Азіи представлялось лишь видоизмѣненіемъ одного племени турокъ. Какъ замѣчаетъ Григорьевъ—„Турками были для нихъ, кромѣ народовъ, принадлежавшихъ къ тюркскому племени, и народы монгольскаго и тунгусскаго происхожденія, и тибетцы, и китайцы, и даже славяне“¹⁾.

Не ставя себѣ задачей разсмотрѣніе всехъ извѣстій, оставленныхъ намъ арабскими историками и географами въ отношеніи интересующей насъ территоріи, приведемъ лишь нѣкоторыя, наиболѣе заслуживающія вниманія.

Самый Мавераннагръ, т. е. районъ рѣкъ Сейхуна и Дайхуна (Сыръ-Дарья и Аму-Дарья у арабовъ), описывается въ высокой степени культурной страной. Ibn NaukaI сообщаетъ о немъ слѣдующее: „Здѣсь находятся въ изобиліи всякаго рода фрукты и мясо; вода пріятна на вкусъ. Скотъ превосходенъ, овцы изъ Туркестана, Ганзніена и Самарканда славятся по всемъ мѣстамъ. Мавераннагръ въ большихъ количествахъ производитъ сырой шелкъ, шерсть, волосъ; его рудники доставляютъ много серебра, олова и свинца. Фруктовъ въ Согдѣ, Астершеннѣ, Ферганѣ и Шашѣ бываетъ такъ много, что они скармливаются скоту. Вы не увидите ни одного города, ни мѣстечка, ни даже пустыни въ Мавераннагрѣ, гдѣ бы не было удобнаго постоялаго двора или станціи, снабженныхъ всемъ необходимымъ для путешественниковъ“²⁾.

Умиротвореніе края подъ властью арабовъ способствовало и болѣе широкому развитію торговыхъ сношеній странъ Востока съ Китаемъ. У древнихъ писателей до арабскаго владычества мы находимъ упоминанія только о двухъ дорогахъ изъ западнаго Туркестана въ Китай: одна изъ нихъ—южная—шла черезъ Афганистанъ и Тибетъ, другая же—сѣверная—черезъ теперешнюю Ферганскую область. Арабскіе писатели знакомятъ насъ еще и съ третьею торговой дорогой, педпой изъ вниѣшняго Таикентскаго округа вдоль сѣвернаго склона Западнаго Тянь-Шаня, около оз. Иссыкъ-куля. Надо думать, что этимъ путемъ караваны стали направляться уже въ эпоху владычества турко-тукуюскихъ хановъ, возобновившихъ торговыя сношенія западныхъ странъ съ Китаемъ. Но въ то время, въ виду частыхъ передвиженій кочевыхъ народовъ и непрестанныхъ войнъ отдѣльныхъ племень между собою, эти сношенія сѣвернымъ путемъ вдоль западнаго Тянь-Шаня врядъ-ли были оживлены и носили постоянный характеръ.—Большую

1) Землевѣдніе Риттера. Восточный Туркестанъ, т. II стр. 200.

2) James Hutton. Central Asia from the aryan to the cossack. Lond. 1875 стр. 46.

упорядоченность ихъ можно, повидимому, отнести къ періоду владычества арабовъ.

Вотъ маршрутъ этой дороги отъ Аспиджаба до Тараза, какъ о немъ сообщаетъ Ибнъ-Хордадега: „Отъ Аспиджаба до Савата степью 5 фарсаховъ; на пути двѣ большія рѣки — Мава и Юранъ по имени. Изъ Савата въ Будухкетъ 5 фарсаховъ. Изъ Будухкета въ Тамъяджъ 4 фарсаха, лежатъ въ степи, но на большой рѣкѣ и окружены многочисленными селеніями. Изъ Тамъ-яджа до Нарджи 4 фарсаха. Нарджа — гора, изъ которой вытекаетъ тысяча источниковъ, образующихъ рѣку, текущую на востокъ, по имени Иркутъ. Отъ Нарджи до Мерки станціи на р. Иркутъ — 6 фарсаховъ. По этой рѣкѣ много болотъ и озеръ, на которыхъ охотятся за горными куропатками. Здѣсь переправляются черезъ рѣку; ѣдутъ до Есавагера 3 фарсаха, а оттуда до Хункета по невоздѣлываемой степи 2 фарсаха. Затѣмъ, черезъ 3 фарсаха приѣзжаютъ въ Таразъ, гдѣ уже сады и пашни“¹⁾. Какъ видимъ, это указаніе отъносительно цѣлаго ряда станцій и сосѣднихъ съ ними селеній совершенно совпадаетъ съ приведеннымъ выше извѣстіями объ этомъ же пути буддійскаго монаха.

Такимъ образомъ, несомнѣннымъ является фактъ, что въ то время населеніе, обитавшее вдоль сѣвернаго склона Таласскаго Алатау, въ извѣстной своей части было уже осѣдлымъ, причемъ главнымъ занятіемъ этой осѣвшей части было земледѣльство.

Выше мы видѣли, что Истахри сосѣдними съ арабскими владѣніями съ сѣвера считаетъ турковъ-гузовъ до Аспиджаба, и отъ Аспиджаба на востокъ турковъ-харлуковъ. Но прежде чѣмъ приводить извѣстія арабскихъ писателей объ этихъ народахъ, обитавшихъ въ Присырдарьинскихъ степяхъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о перемѣщеніяхъ племенъ, происходившихъ въ періодъ распространенія арабскаго владычества въ странахъ Туркестана. Въ концѣ IX столѣтія въ степяхъ юга Россіи появился невѣдомый до сего времени народъ печенѣги. По мнѣнію Голубовскаго ²⁾, эти печенѣги, вышедшіе изъ-за Урала, были чинчто иное, какъ кангиты или кангюйцы китайскихъ писателей. Покинувъ свои насиженные мѣста въ Сыръ-Дарьинскихъ степяхъ они принуждены были подъ напоромъ родственнога имъ племени гузовъ, значительно усилившагося къ тому времени. Большинство кангюйцовъ выселились, а меньшая часть покорилась утвердившимся здѣсь гузамъ.

Съ другой стороны, послѣ паденія власти турковъ-тукою владычество въ Монголіи перешло къ другому усилившемуся народу — уйгурамъ, а землями же западно-тукоюйскихъ хановъ отъ Алтая до Сыръ-Дарьи во второй половинѣ VIII в. овладѣло племя карлыкъ, живущее до сего времени около Чернаго Иртыша. На Сыръ-Дарьѣ карлыки встрѣтили уже отпоръ со стороны арабовъ, утвердившихся къ тому времени въ Мавераннагрѣ и Ферганѣ. Объ этихъ то карлыкахъ и говорятъ арабскіе географы, называя ихъ турками-харлуками.

1) Риттеръ. Землевѣдѣніе. Восточный Туркестанъ т. II стр. 219.

2) Голубовскій. Печенѣгизмъ тюрки и половцы до нашествія татаръ, стр. 146.

Истахри, рассказывая о гузахъ, говорить, что кочевья ихъ отъ сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго моря простираются далеко на сѣверъ. Болѣе точно границы владѣній гузовъ опредѣляетъ Ибнъ-Хаккаль. Онъ говоритъ, что страна ихъ на востокъ достигаетъ Аральскаго моря и городовъ Фараба и Аспиджаба; сосѣдями гузовъ онъ называетъ на западѣ хазаровъ, на сѣверо западѣ болгаръ, на сѣверо-востокѣ кимаковъ и востокѣ турковъ-карлуковъ.

Абу-Долефъ, описывая свои путешествія, сообщаетъ, что отъ кимаковъ выѣхали „въ страну колѣна гузъ. Питаются только пшеницей, овощей не разводятъ, а изъ мяса ѣдятъ баранину и козлятину. Одежду носятъ бумажную и мѣховую; шерстяной не употребляютъ“ 1). По словамъ Масуди, это былъ народъ многочисленный и сильный; онъ велъ торговлю скотомъ съ жителями Мавераннагра. У гузовъ, по сообщеніямъ арабовъ, было нѣсколько городовъ, расположенныхъ по Сырь-Дарьѣ. Такимъ образомъ, въ извѣстіяхъ арабскихъ писателей гузы являются кочевымъ народомъ, но въ то же время говорится, что у нихъ есть осѣдлые пункты и однимъ изъ главныхъ продуктовъ питанія для нихъ служить пшеница. Правда, при существованіи торговыхъ сношеній съ культурными областями Мавераннагра зерно могло получаться въ обмѣнъ за скотъ, но указаніе на пункты осѣдлости даетъ основаніе предполагать, что часть этого кочевого народа, можетъ быть и крайне ничтожная, все же занималась земледѣліемъ.

Повидимому земли вдоль западнаго Тянь-Шаня, заняты карлыками, имѣлъ въ виду Эдриси, говоря въ слѣдующихъ выраженіяхъ о странѣ киргизовъ 2).

„Страна киргизовъ обширна, плодородна, часто посѣщается путешественниками, хорошо снабжена водой и прорѣзывается различными рѣчками, которыя протекаютъ со стороны китайскихъ границъ; главная изъ этихъ рѣкъ называется Менкхаз, она значительна и очень быстра. Жители этой страны строятъ на Менкхаз'ѣ мельницы, на которыхъ они размалываютъ зерно, рисъ и различные другіе злаки на муку, изъ которой потомъ дѣлаютъ хлѣбъ. Жители страны занимаются ремеслами, а также склонны къ хитростямъ, чтобы добывать драгоценные камни. Всѣ города страны помѣщаются на территоріи, пространство которой равняется около трехъ дней пути. Они въ числѣ четырехъ большихъ окружены стѣнами и укрѣпленіями и населены народами ровностными, храбрыми и мужественными, которые всегда боялись предпріятій короля кимаковъ, князя воинственнаго, почти всегда находящагося въ войнахъ со своими сосѣдями. Женщины занимаются всевозможными занятіями, а мужчины не занимаются ничѣмъ, кромѣ пашни и жатвы. Женщины обладаютъ удалствомъ, силой и способностью ко

1) Туркестанскій сборникъ Межова т. 53 ст. Григорьева—Объ арабскомъ путешествіи Х вѣка Абу-Долефъ и странствованіи его по Средней-Азій, стр. 32.

2) Подъ этимъ названіемъ киргизовъ нужно понимать, по мнѣнію Аристова (Замѣтки объ этнич. составѣ, стр. 24), усуней, въ извѣстной своей части оставшихся около Западнаго Тянь-Шаня и покоренныхъ карлыками.

всѣмъ мужскимъ дѣламъ. Въ этой странѣ разводять лошадей, коровъ и барановъ¹⁾.

Въ періодъ расцвѣта арабскаго могущества въ Средней Азіи эти тюркскія племена, обитавшія въ нынѣшнихъ киргизскихъ степяхъ, находились въ нѣкоторой зависимости отъ халифата; не разъ въ концѣ IX вѣка и началѣ X халифы изъ династіи саманидовъ отправляли войска въ степь для усмиренія тюркскихъ племенъ. Но эта зависимость была не болѣе, какъ вассальной; такъ, мы знаемъ, что владѣтель Ас-Фиджаба выражалъ свою покорность саманидамъ только ежегодной уплатой четырехъ тенегъ и отпращиваніемъ вмѣстѣ съ подарками метлы; кромѣ того онъ съ своей стороны оказывалъ вліяніе на подчиненныхъ саманидамъ тюрковъ восточной части Сыръ-Дарьинской области и западной части Семирѣчья²⁾.

Такое положеніе дѣлъ тянулось до начала XI вѣка, когда успившіяся тюркскія племена положили конецъ господству династіи саманидовъ. Въ точности до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, къ какому племени принадлежали усилившіяся тюркскіе ханы. Аристовъ думаетъ, что это были карлыки, извѣстные арабамъ подъ именемъ тюрковъ-харлуковъ; къ тому же мнѣнію склоняется, повидимому, и Бартольдъ. Но, къ сожалѣнію, краткость дошедшихъ до насъ отъ этого періода извѣстій не позволяетъ прослѣдить, какъ тѣ измѣненія, которыя произошли отъ вторженія въ культурную страну кочевого народа, такъ и выяснить положеніе, въ которомъ находились владѣнія тюрковъ передъ вторженіемъ монгольскихъ племенъ.

Однако, владычество карлыковъ не было еще послѣднимъ изъ созданныхъ тюркскими племенами. Вскорѣ, а именно въ половинѣ XII вѣка, Туркестанъ былъ снова наводненъ сильнымъ народомъ—кара-киданъ. Родиной его нужно считать Манчжурію, откуда онъ, постепенно усиливаясь, распространилъ свое владычество на Монголію и около двухъ вѣковъ держалъ въ своемъ подчиненіи Сѣверный Китай; впоследствии, уступая напору чурдженей, каракидане двинулись на западъ и основали въ Западномъ Тянь-Шанѣ, покоривъ обитавшія здѣсь племена, сильное государство; центромъ послѣдняго являлась долина р. Чу. Но на этомъ каракидане не остановились. Распространяя свое владычество дальше на юго-западъ, они покорили всѣ Туркестанскія страны до Бухары включительно. Этотъ періодъ господства кара-киданей является довольно темнымъ, такъ какъ до насъ отъ него дошли лишь очень скудныя извѣстія. Мы знаемъ только о походахъ, которыя совершены были противъ кара-китаевъ хорезмійцами (Хорезмъ соотвѣтствовалъ теперешнему ханству Хивинскому). Хорезмшахъ Мухаммедъ, переправившись черезъ Сыръ-Дарью, прошелъ по степи праваго берега рѣки и опустошилъ культурную площадь района Арсыи и прилегающихъ

1) *Geographie d'Edrisi, traduite d'arabe en français par Jaubert.* стр. 500.

2) Бартольдъ. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія. 1898 г. стр. 243.

мѣстностей. Эти послѣднія событія непосредственно предшествовали вторженію въ Среднюю Азію монгольскихъ полчищъ.

Мы не будемъ повторять достаточно извѣстныхъ сообщеній историковъ объ усиленіи монгольскихъ племенъ, объединеніи ихъ подъ властью Чингизъ-хана и покореніи послѣднимъ Китая,—скажемъ только, что въ 1219 году монгольская армія, предводительствуемая Чингизъ-ханомъ, двинулась съ верховьевъ Иртыша во владѣнія Туркестана.

За нѣсколько времени до этого, въ періодъ усиленія монгольскихъ племенъ, замѣчается движеніе изъ Монголіи тюркскихъ племенъ, которыя не въ силахъ были противостоять напору новаго кочевого народа. Выселяются найманы, меркиты и кирен; но такъ какъ имъ на пути приходилось вытѣснять кипчаковъ и дулатовскіе роды, жившіе съ исконныхъ временъ на пространствѣ между Тарбагатаемъ и Тянь-Шанемъ, то это движеніе тюркскихъ племенъ совершалось медленно и прекратилось, повидимому, только въ концѣ XII столѣтія.

Разрушая на пути города, оказывавшіе сопротивленіе, Чингизъ-ханъ первоначально двинулся къ Отрару, развалины котораго въ низовьяхъ рѣки Арыси видны до настоящаго времени. Здѣсь Чингизъ-ханъ раздѣлилъ свои силы; оставивъ часть войскъ ссаждать городъ и направивъ отряды для покоренія народовъ, лежавшихъ внизъ и вверхъ по Сыръ-Дарьѣ, самъ онъ двинулся прямо въ Бухару. Этотъ переходъ, совершенный Чингизъ-ханомъ, а впоследствии и Тимуромъ, даетъ основанія предполагать, что въ то время мѣстность между низовьями Арыси и Нуръ-ата не представляла собою такой безводной и мало-проходимой пустыни, какою она является теперь. „Очевидно, пишетъ Бартольдъ, въ то время еще не были заброшены каналы лѣваго берега Сыръ-Дарьи и пустыня занимала менѣе широкую полосу“¹⁾.

Это указаніе на разрушеніе ирригаціонныхъ сооружений вдоль Сыръ-Дарьи и сокращеніе, а мѣстами и совершенное исчезновеніе, культурныхъ площадей въ среднемъ и нижнемъ теченіи этой рѣки находится въ полномъ соотвѣтствіи съ свидѣтельствами географовъ того времени. Арабскіе писатели, кромѣ Отрара, называютъ еще цѣлый рядъ городовъ, явившихся центрами цвѣтущихъ оазисовъ. Такъ, по Истахри, въ округѣ Барабъ (повидимому, недалеко отъ теперешняго Туркестана), главнымъ горедомъ былъ Кедеръ; отъ этого послѣдняго на разстояніи одного перехода лежалъ Сауранъ. За Саураномъ Масуди помѣщаетъ Тураръ; еще ниже, уже во владѣніяхъ гузовъ, находился городъ Ишкентъ. Отъ всѣхъ этихъ городовъ, явившихся въ то время не только въ роли укрѣпленій, но и центральныхъ пунктовъ обширныхъ осѣдлыхъ районовъ, остались теперь только развалины. Объясняется ли это исчезновеніе культурныхъ оазисовъ измѣненіемъ чисто природныхъ условій, какъ напримѣръ, нарушеніемъ прежняго режима Сыръ-Дарьи, обусловленнаго съ одной стороны большимъ расходомъ воды въ верховьяхъ, а съ другой уклоненіемъ русла отъ первоначаль-

1) Бартольдъ. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія стр. 439.

наго направленія или главная роль здѣсь принадлежитъ дѣятельности человѣка, а именно опустошительному нашествію полчищъ кочевниковъ, вполне опредѣленно мы не знаемъ. Думается, однако, что здѣсь имѣли мѣсто какъ та, такъ и другая изъ названныхъ причинъ. Часть населенія этихъ осѣдлыхъ пунктовъ была вырѣзана; оставшіеся въ живыхъ не могли сразу же оправиться послѣ полного разгрома ихъ имущества и разбрелись по другимъ мѣстамъ. Заброшенные ирригаціонныя сооруженія постепенно приходили въ упадокъ, каналы заносились пескомъ, головныя сооруженія отмывались рѣкой, которая, какъ извѣстно, очень непостоянна въ своемъ среднемъ и нижнемъ теченіи. Слѣды этихъ древнихъ арыковъ такъ же, какъ и развалины городовъ, мы и встрѣчаемъ повсюду вдоль берега Сыръ-Дарьи.

Но возвращаемся къ монголамъ. Послѣ смерти Чингизъ-хана (1227 г.) его пріемникамъ досталась обширная имперія отъ дальнихъ странъ Монголіи до Каспійскаго моря. Согласно завѣщанія Чингизъ-хана, всѣ завоеванныя страны были раздѣлены между его сыновьями, причемъ старшему Октаю, которому досталась восточная часть имперіи, принадлежала и верховная власть надъ остальными удѣлами. Западный Тянь-Шань и страны по Сыръ-Дарьѣ вошли въ составъ владѣнія, подвластнаго второму сыну Чингизъ-хана—Джагатаю, потомки котораго и правили здѣсь до 1400 года, когда это ханство Джагатаидовъ растворилось въ имперіи Тимура.

Отъ періода завоеваній Чингизъ-хана и послѣдующихъ временъ владычества монголовъ въ Средней Азіи до насъ дошли извѣстія какъ китайскихъ, такъ и арабскихъ и европейскихъ писателей. Къ первымъ изъ нихъ относится описаніе путешествія, совершеннаго даосскимъ монахомъ Чань-Чунемъ изъ Китая въ Среднюю Азію. Послѣ своего вторженія въ Китай Чингизъ-ханъ услышалъ объ имени Чань-Чуня, какъ проповѣдника безсмертія, и пригласилъ его ѣхать въ свою орду. Несмотря на свои преклонныя лѣта, Чань-Чунь отправился въ далекое путешествіе; не заставъ Чингизъ-хана въ Монголіи, онъ пробѣжалъ въ Туркестанъ и достигъ границъ Индіи. Путь его лежалъ вдоль сѣверныхъ склоновъ Западнаго Тянь-Шаня въ Ташкентскую область, т.-е. какъ разъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ въ VII вѣкѣ пробѣжалъ китайскій же путешественникъ Сюань-цзянь. Вотъ, что находимъ мы въ запискахъ, оставленныхъ ученикомъ Чань-Чуня объ интересующихъ насъ районахъ:

„Потомъ черезъ четыре дня пути на западъ прибыли къ Таласу-мулянъ; рѣка глубока и широка, течетъ на сѣверо-западъ... На югѣ рѣки—снѣжныя горы. 10-й луны 1-го числа, переплывъ рѣку на суднѣ, мы прибыли на югъ къ одной большой горѣ по сѣверную ея сторону, гдѣ есть небольшой городъ. Далѣе, мы пять дней ѣхали на западъ... Вхавши далѣе семь дней на западъ, мы переѣхали одну гору на юго-западъ. На другой день выпалъ большой снѣгъ, мы прибыли въ небольшой городокъ Хой-хэскаій; снѣгу выпало на футъ, но съ восходомъ солнца онъ растаялъ. 16-го числа, направляясь на юго-западъ, мы переѣхали рѣку досчатымъ мостомъ и къ вечеру прибыли къ подошвѣ

южныхъ горъ. Здѣшняя страна климатомъ и воздухомъ различна отъ страны по сѣверную сторону Цзинь-Шаня¹⁾; здѣсь весьма много равнинъ; жители занимаются земледѣліемъ и шелководствомъ; вино видѣлываются изъ винограда; плоды же, что и въ Китаѣ, только цѣлое лѣто и осень не бываетъ дождя, поэтому поля орошаются водою изъ рѣкъ посредствомъ канавъ, отчего хлѣба и поспѣваютъ. На сѣверо-востокъ и юго-западъ налѣво горы, направо должны тянутся непрерывно на 10,000 лн. 18-го числа мы ѣхали подлѣ горъ на западъ дней 7—3, когда горы вдругъ пошли на югъ; на дорогѣ намъ попалось каменное городище, камни совершенно краснаго цвѣта; есть слѣды древняго военнаго становища. Потомъ переѣхали черезъ каменный мостъ и по направленію юго-западныхъ горъ сѣдлали пять переѣздовъ до города Сай-лань²⁾. Здѣсь небольшая башня. Въ первые дни 11-й луны сряду шелъ сильный дождь; 4-го числа у туземцевъ былъ новый годъ³⁾.

По мнѣнію Бартольда⁴⁾, рѣка, которую путешественникъ переѣхалъ по досчатому мосту, была Чу, а съ каменнымъ мостомъ — Талась. Изъ описаній мы видимъ, что Чань-Чуню на пути попадались города, жители которыхъ занимались земледѣліемъ. Какихъ либо указаній на опустошенія, произведенныя монголами, совершенно не встрѣчается. Отсюда можно, повидимому, заключить, что послѣ разгрома, причиненнаго нашествіемъ Хорезмшаха Мухамеда, страна успѣла уже оправиться; нахлынувшія же полчища Чингизъ-хана, очевидно, не тронули осѣдлаго населенія описываемаго района. Среди городовъ, перечисляемыхъ въ запискахъ, мы видимъ Сайрамъ. Насколько извѣстно, названіе этого кипчака, существующаго и до сего времени, упоминается здѣсь впервые. По толкованію Бартольда, Чань-Чунь пріѣхалъ въ Сайрамъ около 20 чиселъ ноября; во время его пребыванія въ Сайрамѣ нѣсколько дней подрядъ шелъ дождь, а недѣли за двѣ до этого около р. Чу путешественниковъ засталъ снѣгъ, который, правда, на другой же день стаялъ. Говоря о занятіи земледѣліемъ жителей осѣдлыхъ пунктовъ, составитель записокъ упоминаетъ, что цѣлое лѣто и осень здѣсь не бываетъ дождя, поэтому поля орошаются искусственно. Изъ этихъ указаній можно видѣть, что климатическія условія того времени близко соответствовали настоящимъ, такъ какъ и теперь въ среднѣ и концѣ ноябрю по сѣверному склону Западнаго Тянь-Шаня дождь чередуется со снѣгомъ, а лѣтомъ дождей не бываетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, почему земледѣліе во многихъ мѣстахъ возможно только при условіи полныя полей.

Оставляя въ сторонѣ арабскихъ писателей того времени Рапидэддина, Абулфедя и др., сообщавшихъ объ интересующей насъ территоріи лишь извѣстія предшествующихъ географовъ, перейдемъ къ разсмо-

1) Китайскій Алатау.

2) Сайрамъ.

3) Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. Т. IV. Сиюцзы или описаніе путешествій на западъ. Перевелъ архим. Палладій. Стр. 306.

4) Бартольдъ. Туркестанъ. Стр. 486.

трѣнію тѣхъ данныхъ, которыя дошли до насъ отъ европейскихъ путешественниковъ.

Вторженіе въ Европу монгольскихъ полчищъ подъ предводительствомъ внука Чингизъ-хана Бату и покореніе имъ Россіи навело неопиcуемый страхъ на всѣ европейскіе народы; на монголовъ смотрѣли, какъ на демоновъ, вышедшихъ изъ ада въ наказаніе за прегрѣшенія людей. Въ то время не было еще яснаго представленія, изъ какихъ племенъ состояли нахлынувшія массы и откуда онѣ пришли. Такъ, русскій лѣтописецъ характеризуетъ это нашествіе слѣдующими словами: „Прійдоша неслыханіи безбожніи Моавитяне, рекомі татарове, ихъ же добре ясно никто не вѣсть, кто суть и откуда прійдоша, и что языкъ и котораго племени суть и, что вѣра ихъ; зовуть я татары“ (Софійскій времен.).

Опомнившись нѣсколько послѣ перваго выступленія монголовъ въ Европѣ, западно-европейскія государства начали изыскивать средства предотвратить отъ себя все еще угрожавшую опасность. Въ Римѣ пришли къ мысли склонить монголовъ къ христіанству и тѣмъ связать инстинкты разрушенія. Съ этою цѣлью папою Иннокентіемъ IV въ 1245 году была отправлена миссія, во главѣ которой стоялъ францисканскій монахъ Іоаннъ де-Плано Карпини. Несмотря на безрезультатность этого перваго посольства, черезъ два года было отправлено второе, въ которомъ принималъ участіе Асцеллннъ и, наконецъ, въ 1253 г. третье, порученное Рубрюку.

Всѣ эти три посольства направились черезъ югъ Россіи и киргизскія степи вдоль сѣвернаго склона Западнаго Тянь-Шаня, т. е. по сѣверному караванному пути арабовъ черезъ ту мѣстность, которую мы имѣемъ въ виду. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о посѣщенныхъ странахъ мы находимъ въ запискахъ первой миссіи Плано-Карпини. Рубрюкъ же сообщаетъ весьма интересныя данныя объ обычаяхъ самихъ монголовъ; онъ пишетъ, что „они не имѣютъ нигдѣ городовъ для постоянного жительства, не знаютъ также и о небесномъ пристанищѣ, которое прійдетъ. Они раздѣлили между собою всю Скнѣю, которая тянется отъ Дуная до того мѣста, гдѣ восходитъ солнце и каждый изъ ихъ начальниковъ, согласно большому или малому числу сего народа, знаетъ границы своихъ выгоновъ и мѣста, гдѣ нужно пасти скотъ зимой и лѣтомъ, весной и осенью. Зимой они спускаются въ теплые районы къ сѣверу; зимой, когда снѣгъ лежитъ на землѣ, они пасть свой скотъ на пастбищахъ безъ воды, такъ какъ они снѣгъ употребляютъ вмѣсто воды“¹⁾.

Плано-Карпини въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что изъ ставки Батыя на Волгѣ онѣ сначала ѣхали по землѣ кипчакской, а потомъ вступили во владѣнія кангитовъ, покоренныхъ монголами. Земля кангитовъ во многихъ мѣстахъ безводна, а „отъ сего безводія и жителей въ ней мало“. „Жители сей земли, подобно команамъ, не занимались

1) Hutton. Central Asia from the aryan to the cossack. Lond. 1875 стр. 90.

земледѣлемъ, а питались только скотоводствомъ, не строили себѣ домовъ, а жили въ шатрахъ. Татары и ихъ также истребили и живутъ въ ихъ землѣ, а оставшихся повергли въ рабство¹⁾. Далѣе, изъ земли кангитовъ посольство двинулось въ земли „Бисерминовъ“. (Ховарезми или хивинцы). „Въ сей землѣ, пишеть Карпини, нашли мы безчисленное множество разоренныхъ городовъ съ замками и много пустыхъ селеній“²⁾. Описывая посѣщенные земли, Платано-Карпини прежде всего указываетъ ихъ границы: „Съ восточной стороны оныя лежитъ земля Китаевъ и Соланговъ (Манчжурія): съ южной — земли Сарацинскія; между западомъ и югомъ Гуирскія (Уйгурскія), съ сѣвера окружается она моремъ—океаномъ“³⁾.

Такимъ образомъ, въ описываемую площадь входятъ не только теперешнія киргизскія степи и пространства вдоль сѣвернаго склона Тянь-Шаня, но также и Монголія. Вся эта территорія описывается въ слѣдующихъ словахъ: „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она чрезвычайно гориста, а въ другихъ ровна; но почти вездѣ смѣшана съ хрящемъ, рѣдко съ глиною и по большей части песчана. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оныя есть нѣсколько небольшихъ лѣсовъ, а въ другихъ она совсѣмъ безлѣсна. Огонь для варенія пици и тепла какъ самъ императоръ, такъ и князья и всѣ прочіе разводятъ на коровьемъ и конскомъ пометѣ. Едва ли сotalя часть этой земли плодородна, да и то только тамъ, гдѣ орошается текучей водой. Но источниковъ и ручьевъ тамъ немного, а рѣчки очень рѣдки, отчего и селеній тамъ мало, городовъ же совсѣмъ нѣтъ, исключая одного, который, говосятъ, очень хорошъ, но мы его не видѣли... Впрочемъ, несмотря на свое безплодіе, земля эта способна, хотя и не слишкомъ много, для скотоводства. Климатъ къ этой землѣ удивительно непостояненъ. Среди лѣта, когда въ другихъ мѣстахъ бываютъ сильныя жары, тамъ только страшный громъ. Въ то же время выпадаютъ тамъ большіе снѣга. Также бываютъ тамъ чрезвычайно холодныя вѣтры съ такими сильными бурями, что иногда едва только можно держаться на лошади. Зимой тамъ нигдѣ не бываетъ дождя, но лѣтомъ однако же такъ мало, что едва только прибрется пыль и смочится трава. Лѣтомъ дѣлаются тамъ вдругъ чрезвычайныя жары и вдругъ сильная стужа. Зимой же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выпадаютъ большіе снѣга, а въ другихъ снѣгу бываетъ мало. Словомъ сказать—земля эта очень пространна: но, какъ видѣли мы собственными своими глазами (ибо ѣздили по оной кругомъ пять съ половиной мѣсяцевъ)—такъ дурна, что и описать нельзя“⁴⁾.

Приведемъ еще слова Платано-Карпини, относящіяся къ питанію монголовъ: „Хлѣба у нихъ нѣтъ, ни зелени, ни овощей и ничего другого, кромѣ мяса, да и того у нихъ такъ мало, что другіе народы ед-

1) Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XII, XIV и XV стол. СПб. 1825 г. стр. 27.

2) Тамъ же, стр. 27.

3) Собраніе путешествій стр. 67.

4) Собраніе путешествій стр. 68 и 69.

ва могли бы тѣмъ жить. Кобыльяго молока пьютъ чрезвычайно много, если оно у нихъ бываетъ; также пьютъ овечье, козье, коровье и верблюжье... Они варятъ просо съ водою и такъ жидко, что его не ѣсть, а пить только можно“ 1).

Какъ видимъ, Плато-Карпини, взявъ чрезвычайно обширную территорию, описываетъ ее черезчуръ общими штрихами, поэтому его характеристика природныхъ условій не можетъ быть во всей своей полнотѣ приложима къ тому району, который насъ интересуетъ; такъ, напримѣръ, указаніе на рѣзкіе переходы во время лѣта отъ сильной жары къ стужѣ показываютъ, что въ этомъ случаѣ авторъ подразумѣвалъ только Монголію; съ другой стороны, упоминаніе о глубокихъ снѣгахъ можетъ быть отнесено къ гористымъ и предгорнымъ мѣстностямъ, такъ какъ въ равнинахъ киргизской степи и Монголіи снѣга бываетъ немного. Описанія Плато-Карпини, касающіяся хозяйственнаго быта и пищи монголовъ, даютъ, несомнѣнно, доказательства тому, что полчища Чингизъ-хана и его преемниковъ состояли изъ кочевыхъ народовъ, совершенно не занимавшихся земледѣліемъ.

Къ этому же періоду господства монголовъ надъ странами Туркестана относится путешествіе въ Монголію венеціанскихъ купцовъ Николая, Матео и Марко Поло. Какъ извѣстно, первоначально отправились въ 1261 г. только братья Николай и Матео. По мнѣнію Richthofen'a путь ихъ лежалъ къ сѣверу отъ Тянь-Шаня, т. е. по той же дорогѣ, какой передъ ними проѣхали папскіе миссіонеры. Съѣздивъ, по просьбѣ хана, обратно въ Римъ съ порученіемъ къ папѣ, венеціанцы вернулись опять въ Монголію, захвативъ уже съ собою и Марко Поло. Этотъ второй путь лежалъ южнѣе, а именно черезъ Хорасанъ и Памирскія высоты. Но въ виду того, что составитель описанія Марко Поло самъ, повидимому, не проѣзжалъ по теперешнимъ киргизскимъ степямъ, то въ его повѣствованіяхъ отсутствуетъ характеристика интересующаго насъ района западнаго Тянь-Шаня. Что же касается хозяйственнаго уклада монголовъ, то въ этомъ отношеніи сообщенія Марко Поло совершенно соотвѣтствуютъ вышеприведеннымъ извѣстіямъ Плато-Карпини и Рубрика.

Объединеніе многихъ владѣній подъ властью одного болѣе сильнаго, хотя бы и мало культурнаго, всегда способствовало, какъ мы видѣли, расцвѣту различныхъ знаній о покоренныхъ странахъ. Правитель-ство народа—побѣдителя прежде всего старалось завязать торговая и политическія связи съ сосѣдними могущественными націями и для удобства передвиженія въ подвластныхъ странахъ торговыхъ и прочихъ людей обезопасить пути сообщенія. И какъ это не кажется страннымъ, но, напримѣръ, во времена господства монголовъ, вносившихъ съ собою всюду разрушеніе и смерть, путешествовать по владѣніямъ Чингизъ-хана было гораздо безопаснѣе, чѣмъ въ какомъ либо изъ западно-европейскихъ государствъ того времени. Аналогичное мы мо-

1) Собраніе путешествій стр. 114, 115.

жемъ наблюдать и въ періоды владычества грековъ, турковъ-тукю и арабовъ.

Но когда объединенныя сильной рукой отдѣльныя владѣнія распадались и между ними начинались войны, вызывавшія перемѣщенія народовъ, наступало время взаимной отчужденности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упадка географическихъ и другихъ знаній. Такъ было и вслѣдъ за распаденіемъ великой монгольской имперіи; въ продолженіи послѣдующаго долгаго періода мы не видимъ ни одного путешественника, который бы рѣшился направиться сѣвернымъ караваннымъ путемъ въ отдаленныя страны востока. Въ виду этого отсутствія данныхъ о природныхъ условіяхъ интересующей насъ мѣстности и о бытѣ обитавшихъ здѣсь племенъ, ограничимся лишь краткимъ изложеніемъ тѣхъ переворотовъ, которые произошли со времени паденія могущества монголовъ.

Какъ извѣстно, на развалинахъ удѣла потомковъ Джагатая въ концѣ XIV вѣка Тамерланъ, опираясь на тюрковъ древняго Мавераннагра, создалъ новую сильную державу, обнявшую собою весь Туркестанъ и Золотую орду съ данницею Россіей. Но и это владычество было недолговѣчно; оно было сломлено въ XVI в. усилившимся народомъ — узбеками.

Подъ именемъ узбековъ первоначально (около начала XIV в.) были извѣстны тюркскія и монгольскія племена восточной части джучіева улуса, кочевавшія въ западной половинѣ теперешней киргизской степи. Думаютъ, что это имя обязано своимъ происхожденіемъ Узбеку-хану, царствовавшему съ 1312 г. и объединившему подъ своею властью различныя мелкія племена, кочевавшія въ восточной части нынѣшней Оренбургской губерніи, южной половинѣ Акмолинской и сѣверной части Семипалатинской областей. Часть этихъ племенъ во второй половинѣ XV вѣка отложились и ушла на востокъ, образовавъ киргизъ-кайсацкій союзъ, остальная-же половина продолжала называться узбеками.

Возрастаніе могущества этихъ узбекскихъ племенъ начинается съ конца XV в.; въ началѣ XVI они уже выступаютъ противъ Тимуридовъ и подчиняютъ себѣ народы, обитавшіе по Сырѣ и Аму-Дарьѣ. Но покоренный узбеками Мавераннагръ недолго былъ одной державой, онъ вскорѣ распался, образовавъ ханство Бухарское, Хивинское и Кокандское. Между тѣмъ, отложившіеся въ XV вѣкѣ; отдѣльные роды узбековъ заняли территорію теперешнихъ Вѣрненскаго и Копальскаго уѣздовъ; эти роды и послужили главнымъ ядромъ вновь образовавшагося союза киргизъ-кайсаковъ. Союзъ этотъ быстро разрослся; вскорѣ къ нему примкнули поколѣнія наймановъ, джалаиравъ, дулатовъ и другихъ, и менѣе чѣмъ въ полвѣка, численность его народонаселенія увеличилась до 1 милліона, кочевья же охватили все пространство степей отъ Урала до Балкаша.

Въ началѣ XVII ст. киргизъ-кайсаки владѣли уже гг. Туркестаномъ и Ташкентомъ; послѣдній изъ названныхъ городовъ до 1723 г. служилъ ставкою киргизскихъ хановъ. Съ конца XVII ст. могуще-

ство киргизъ-кайсаковъ падаетъ, причиною чему служатъ притѣсненія, причиняемыя имъ съ востока цзунгарами. Подъ напоромъ этого усилившагося народа, объединившаго подъ своею властью и калмыковъ, племена, вошедшія въ составъ старшей орды киргизъ-кайсацкаго союза, должны были оставить свои прежнія кочевки вдоль Западнаго Тянь-Шаня и двинуться къ Туркестану и Ташкенту. Между этими племенами мы видимъ и теперешній родъ дулатовъ.

Въ 1723 году цзунгары, овладѣвъ названными городами, подчинили и оттѣсненные сюда киргизъ-кайсацкія племена. Вскорѣ, однако, могущество цзунгаровъ падаетъ и сдвинувшіеся киргизскіе роды возвращаются на свои прежнія мѣста. Съ этого момента, по словамъ Аристова 1), при послѣдовавшемъ потомъ въ XIX ст. постепенномъ подчиненіи киргизъ-кайсаковъ и кара-киргизовъ Россіи, значительныхъ перемѣщеній племенъ и родовъ не происходило.

На этомъ мы и закончимъ краткое историческое обзорѣніе передвиженій племенъ по той территоріи, которая насъ интересуетъ.—Изъ этого обзорѣнія можно видѣть, что въ теченіе послѣднихъ двухъ тысячелѣтій районъ юго-восточной части теперешняго Чимкентскаго уѣзда постоянно переходилъ изъ рукъ въ руки, и осѣвшее здѣсь населеніе должно было переносить всѣ невзгоды, вызываемыя такой частой смѣной господствовавшихъ народовъ. На самомъ дѣлѣ уже во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. обитавшіе здѣсь сѣйцы должны были, уступая напору юэчки, двинуться на юго-западъ; обосновавшихся—было юэчкой вытѣснили усунни, за усунями слѣдуютъ гунны, далѣе жужане, тюрки-тукю, гузы, карлыки, кара-кидане, монголы и, наконецъ, тѣснимые цзунгарами—киргизъ-кайсаки и калмыки. Всѣ эти перемѣщенія народовъ не могли, конечно, обойтись безъ жертвъ какъ со стороны притѣсняемаго племени, такъ и нападающаго.

Кочевые народы живутъ просторно, — у нихъ обыкновенно не бываетъ ни постоянныхъ укрѣпленій, ни войскъ для защиты отъ набѣговъ сосѣдей; поэтому въ случаѣ нападеній притѣсняемые должны или подчиняться нападающимъ или бѣжать отъ нихъ, захвативъ съ собою все, что возможно. Но отступающіе бѣгутъ уже цѣлою массою и, такимъ образомъ, въ свою очередь, представляютъ грозную силу въ отношеніи встрѣчныхъ мирно-кочующихъ племенъ. Этимъ обстоятельствомъ, надо думать, и объясняется тотъ фактъ, что толчекъ, данный гдѣ либо въ глубинахъ Монголіи, отражался и въ предѣлахъ Западной Европы.

Но возвратимся къ разсматриваемой нами территоріи. Перечисляя двигавшіеся народы, мы совершенно не коснулись вопроса: откуда же и когда пришли тѣ туземныя племена, которыя обитаютъ въ юго-восточномъ углу Чимкентскаго уѣзда въ настоящій моментъ. Помимо русскихихъ, переселившихся сюда въ послѣдній періодъ подчиненія Туркестанскаго края Россіи, въ предѣлахъ интересующаго насъ района обитаютъ два племени: сарты и киргизъ-кайсаки. Какъ извѣстно, у сар-

1) Аристовъ. Забѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ стр. 46.

товъ вѣтъ дѣленія на отдѣльныя родовыя группы. На вопросъ, заданный сарту: „кто онъ и откуда“, вы получите отвѣтъ: „сартъ Ташкентскій, Туркестанскій, Сайрамскій, т. е. наименованіе мѣста проживанія. У киргизъ же, несмотря на замѣчающійся въ послѣднее время переходъ къ осѣдлому быту, еще довольно твердо сохраняются преданія о принадлежности къ той или другой родовой группѣ, и почти каждый изъ стариковъ перечислитъ вамъ имена своихъ предковъ за 10 и даже 15 поколѣній. Въ виду этого, чтобы точнѣе опредѣлить ту часть киргизъ-кайсацкаго племени, которая обитаетъ въ юго-восточной части Чимкентскаго уѣзда, намъ нужно еще сказать, что здѣсь живутъ киргизы старшей орды, рода дулатъ.

Начнемъ съ сартовъ. По мнѣнію востоковѣдовъ, подъ этимъ именемъ нужно понимать племенную группу, происшедшую отъ сліянія древняго иранскаго населенія Туркестана съ позднѣйшими завоевателями тюрко-монгольскаго происхожденія. Какъ мы могли видѣть изъ предыдущаго, возможнымъ является предположеніе, что племена арійской семьи народовъ, сакы или сейцы, а позднѣе юэчжи, тѣснимые усунями, не всей своей массой ушли на западъ и югъ; часть ихъ, подчинившись народамъ тюркскаго происхожденія, осталась на мѣстахъ прежняго своего жительства, т.-е. у подошвы сѣвернаго склона Западнаго Тянь-Шаня и въ Туркестанской низменности; эти то оставшіеся иранцы, можетъ быть, къ тому времени осѣвшіе, и послужили, надо думать, ядромъ того населенія смѣшаннаго типа, которое обитаетъ теперь подъ именемъ сартовъ въ кишлакахъ, разбросанныхъ въ различныхъ мѣстахъ Туркестанскаго края и въ частности Чимкентскаго уѣзда. Но первыя прямыя указанія въ отношеніи существованія цѣлаго ряда осѣдлыхъ пунктовъ по сѣверному склону Тянь-Шаня, какъ мы видѣли, относятся къ срединѣ VII вѣка по Р. Х. Надо, конечно, думать, что эти осѣдлыя поселенія образовались въ значительно болѣе ранній періодъ, такъ какъ уже во время владычества турковъ-тукю, объединившихъ подъ своею властью огромную территорію отъ береговъ Каспійскаго моря до предѣловъ Китая, существовали торговыя сношенія культурныхъ странъ бассейна рѣкъ Сыръ-Дарыи и Аму-Дарыи съ Китаемъ и этимъ сѣвернымъ путемъ; безъ осѣдлыхъ же поселеній, служившихъ мѣстами остановокъ и отдыха для каравановъ, движеніе по пустынной странѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ было бы совершенно невыполнимымъ. Позднѣе, во времена арабовъ, когда сообщеніе этой сѣверной дороги еще усилилось, у писателей встрѣчаемъ уже подробныя маршруты какъ мѣстъ остановокъ, такъ и точныхъ разстояній между послѣдними. Явилось ли населеніе этихъ осѣдлыхъ пунктовъ продуктомъ сліянія оставшихся здѣсь иранскихъ племенъ съ нахлынувшими тюркскими или, какъ думаетъ Аристовъ, его составили выходцы изъ Ферганы и Ташкента, покинувшіе названныя мѣста въ тотъ отдаленный періодъ, когда Ташкентъ былъ еще подвластенъ Кангюю ¹⁾,—какъ бы то ни было, но населеніе, обитавшее въ кишлакахъ,

¹⁾ Аристовъ. Замѣтки объ этническомъ составѣ стр. 158.

лежащих на всемъ протяженіи пути отъ Ташкента до Балхаша, живеть здѣсь уже почти двѣ тысячи лѣтъ. Бывали, правда, времена, когда двигавшіеся кочевые народы разрушали осѣдлыя населенія; нерѣдко случалось, что разгромы являлись и слѣдствіемъ междуусобныхъ войнъ; въ такіе періоды населеніе разбѣгалось, во какъ только наступало успокоеніе, оно возвращалось снова, и снова принималось за свой земледѣльческій промыселъ, служившій ему главнымъ средствомъ къ существованію. О такихъ бѣгствахъ съ насиженныхъ мѣстъ и обратныхъ возвращеніяхъ, происходившихъ въ сравнительно недавнее время, передаютъ сохранившіяся изустныя преданія. Такъ, о кишлакѣ Карачикѣ, лежащемъ къ сѣверо-востоку отъ г. Туркестана, сарты рассказываютъ, что 9 поколѣній тому назадъ на него напали калмыки; жители Карачика сначала разбѣжались, но когда въ окрестностяхъ стало немного спокойнѣе, они вернулись обратно. Считаая, что періодъ девяти поколѣній можетъ быть приравненъ приблизительно 260 годамъ, мы найдемъ, что преданіе говоритъ о нашествіи калмыковъ въ 1723 г. и покореніи ими городовъ, подвластныхъ киргизъ-кайсакамъ. О такомъ же временномъ оставленіи селенія во времена завоеванія края русскими рассказываютъ и жители кишлака Чилика Чимкентскаго уѣзда.

Далѣе, что касается киргизъ-кайсацкаго рода—дулатъ, то по предположенію Аристовъ 1), онъ существовалъ уже до Р. Х., такъ какъ въ китайскихъ источникахъ упоминается о поколѣніи дулу, часть котораго во II вѣкѣ до христіанской эры откочевала вмѣстѣ съ гуннами изъ западной Монголіи и раздѣляла судьбу этого народа до распаденія царства Атиллы.

Оставшаяся часть дулатовъ, подъ именемъ тулу, упоминается китайскими историками въ V вѣкѣ, какъ живущая въ западной Монголіи между Тянь-Шанемъ и монгольскимъ Алтаемъ. Въ этихъ же мѣстахъ мы находимъ ихъ и въ VII в., въ тотъ періодъ, когда дулаты и прочія мелкія племена находились въ подчиненіи у турковъ-туку. Въ послѣдующіе вѣка, во времена владычества арабовъ, карлыковъ, каракиданей и монголовъ, свидѣнія о дулатахъ совершенно отсутствуютъ, и лишь историки походовъ Тамерлана при перечисленіи киргизскихъ родовъ упоминаютъ и племя дуглатъ, которое въ то время кочевало, какъ думаетъ Аристовъ, въ предѣлахъ между рѣками Караталомъ и Чу. Впослѣдствіи, когда въ срединѣ XV вѣка нарождался киргизъ-кайсацкій союзъ, въ него долженъ былъ войти, какъ одинъ изъ наиболее сильныхъ и многочисленныхъ родовъ, и родъ дулатовъ. При движеніи въ среднѣй XVII в. на западъ вдоль Западнаго Тянь-Шаня цзунгары и находившихся въ ихъ подчиненіи калмыковъ—дулаты, а вмѣстѣ съ ними и ихъ сосѣди съ западной стороны канклы — должны были сдвинуться къ Ташкенту и Туркестану, гдѣ они и были покорены въ 1723 г. наступившими ихъ цзунгарами. Но уже около 1758 г. въ виду ослабле-

1) Аристовъ. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-кайсаковъ. Живая старина, г. IV, стр. 400.

ня цзунгаръ роды старшей орды, а среди нихъ и дулаты вернулись снова въ Западный Тянь-Шань, занявъ земли вплоть до р. Каратала. Въ этихъ мѣстахъ значатся они и по даннымъ позднѣйшихъ писателей.

Итакъ, изъ сказаннаго можно заключить, что киргизы рода дулаты, обитающіе теперь въ юго-восточномъ углу Чимкентскаго уѣзда пришли сюда не ранѣе половины XVIII ст., до этого же времени площади, занятые теперь дулатами, переходили изъ однихъ рукъ въ другія. Эти данныя о времени занятія дулатами земель въ Чимкентскомъ уѣздѣ подтверждаются и преданіями. На вопросъ, задаваемый старикамъ о времени прихода на теперешнее мѣсто жительства, они начинаютъ исчислять поколѣнія; при переводѣ этихъ послѣднихъ на число лѣтъ, получается, что дулаты живутъ въ Чимкентскомъ уѣздѣ около 100—150 лѣтъ. До этого же времени, по преданіямъ, кочевали по р. Таласу въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ.

Наше описаніе туземныхъ племенъ, обитающихъ въ изслѣдуемомъ районѣ, будетъ неполнымъ, если мы не упомянемъ еще о нѣсколькихъ десяткахъ киргизъ, кочующихъ невдалекѣ отъ сартовскаго кишлака Карамурта и именующихъ себя ханами и тюрями. По происхожденію они выдѣляютъ себя, какъ отъ киргизъ-кайсаковъ, такъ и отъ каракиргизовъ, производя свою родословную отъ древнихъ хановъ, но какъ и именно, они не помнятъ сами. По сохранившемуся преданію, мѣстомъ прежняго своего жительства эти ханскіе потомки считаютъ кишлакъ Наманганскаго уѣзда Тюря-курганъ, лежащій между г.г. Чу стемъ и Наманганомъ. Самое названіе селенія произошло будто-бы отъ населявшаго его рода „тюря“. По преданію, переселеніе изъ Ферганской области въ Чимкентскомъ уѣздѣ состоялось восемь поколѣній тому назадъ, т. е., приблизительно, лѣтъ 200—300, слѣдовательно, еще до прихода сюда дулатовъ. Сохраняя память о своемъ высокомъ происхожденіи, эти ханскіе потомки по образу жизни совершенно не отличаются отъ рядовыхъ киргизъ; также, какъ и послѣдніе, они занимались прежде исключительно скотоводствомъ, а за послѣднія три поколѣнія вращаются и хлѣбъ.

Какъ было упомянуто выше, роды старшей орды, тѣснимые цзунгарями, въ средній XVIII столѣтія отступили къ Сыръ-Дарьѣ, завладѣвъ при этомъ Туркестаномъ и Ташкентомъ. Но это подчиненіе Ташкента длилось недолго; въ 1798 г. ташкентцы, собравъ войско, напали на киргизъ и въ результатѣ послѣдніе должны были признать надъ собою господство ташкентскихъ хановъ. Такъ дѣло тянулось до 1814 г., когда владѣнія ташкентскихъ хановъ, включая сюда г. Туркестанъ, подпали подъ власть Кокандскаго ханства; въ составъ этого послѣдняго входила, такимъ образомъ, и интересующая насъ территория Чимкентскаго уѣзда.

Здѣсь умѣстно будетъ коснуться еще вопроса о времени, съ котораго кочевники киргизы начинаютъ приступать къ земледѣльству. Также, какъ и время прихода въ предѣлы Чимкентскаго уѣзда, кирги-

вы вычисляють, исходя изъ родословной своихъ предковъ. Такъ, теперешній житель 9-го аула Майликентской волости, Джержербай, сообщаетъ, что проведеніе арыковъ и первыя запашки были произведены при его прадѣдѣ Чанкѣ. Также и Росхулнекъ, киргизъ изъ 3-го аула той-же волости, относитъ начало земледѣльческой культуры къ своему прадѣду Джумабаю. Во 2-мъ старшинствѣ Бадамской волости отвѣчаютъ просто, что землю подѣлили въ первый разъ лѣтъ 100 тому назадъ. Приблизительно такой же срокъ нужно принять и при переводѣ указаннаго расчета поколѣній. Въ своемъ очеркѣ ирригаціи Туркестанскаго края Дингельштедтъ сообщаетъ слѣдующее о времени сооруженія каналовъ: „Изъ разныхъ свѣдѣній, доставленныхъ туземной администраціей, видно, что нѣкоторымъ арыкамъ считается по 80-ти лѣтъ, другимъ по 100—150—200 и т. д. лѣтъ. Арыкамъ около Туркестана считаютъ даже не менѣе 1000 лѣтъ; но всѣ эти свѣдѣнія, добавляетъ Дингельштедтъ, конечно, приблизительны и выражаютъ только относительную давность постройки“¹⁾. Къ сожалѣнію, авторъ не упоминаетъ, о какихъ арыкахъ здѣсь идетъ рѣчь. Изъ сдѣланнаго выше краткаго историческаго обзора владѣній Туркестанской низменности слѣдуетъ, что арыки, насчитывающіе до 1000 лѣтъ, должны считаться сооруженными сартовскимъ населеніемъ, издревле занимавшимся земледѣльствомъ. Такимъ образомъ, арыки, проведенные лѣтъ 100—150 тому назадъ, являются уже дѣломъ рукъ недавно пришедшихъ племенъ. Изъ этого сопоставленія приведенныхъ данныхъ можно, повидимому, сдѣлать выводъ, что первыя попытки киргизскаго населенія въ отношеніи обработки Чимкентскихъ земель должны быть отнесены за 100—150 лѣтъ до настоящаго времени, т. е. къ періоду, непосредственно слѣдовавшему за приходомъ киргизъ на занимаемыя ими въ настоящій моментъ мѣста.

Теперь намъ остается рассмотреть послѣдній періодъ исторіи Туркестанскаго края, а именно: періодъ водворенія въ немъ русской гражданственности. Какъ извѣстно, въ 1864 г. русскій отрядъ, двигавшійся изъ Вѣрнаго, взялъ Аулиеата и Чимкентъ; въ слѣдующемъ году былъ покоренъ и Ташкентъ²⁾. Съ этого момента господство Россіи было признано и всѣмъ окрестнымъ населеніемъ указанныя города были какъ кочевымъ, такъ и осѣдлымъ.

Съ первыхъ же лѣтъ послѣ подчиненія край русскаго администрація ставитъ на очередь вопросъ о колонизаціи занятыхъ земель переселенцами изъ Россіи. Такъ, уже въ 1870 г. генералъ-губернаторъ фонъ-Кауфманъ предложилъ губернатору Сыръ-Дарьинской области произвести изысканія по долинамъ р.р. Таласа и Чу и въ предѣлахъ Чимкентскаго уѣзда съ цѣлью выясненія мѣстъ, удобныхъ для русскіихъ поселеній³⁾.

Водвореніе переселенцевъ, какъ это слѣдуетъ изъ пояснительной

¹⁾ Дингельштедтъ. Опытъ изученія ирригаціи Туркестанскаго края т. II стр. 305.

²⁾ Kraemer. Russland in Mittel-Asien. Leipz. 1899 стр. 12.

³⁾ Отчетъ чинов. особ. поруч. при м-рѣ в. д. А. А. Половцева С. П. В. стр. 88

записки къ проекту положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, должно было итти по двумъ направленіямъ: во-первыхъ,—по линіи отъ Оренбурга до Ташкента и, во вторыхъ, отъ Ташкента черезъ Вѣрный на Семипалатинскъ. Дальнѣйшая практика показала, что насколько эта вторая намѣченная полоса оказалась удобной для обоснованія здѣсь русскихъ переселенцевъ, настолько неудачными были попытки устройства русскихъ поселковъ вдоль почтоваго тракта отъ Оренбурга на Ташкентъ. Причину этого обстоятельства нужно искать въ разницѣ природныхъ условій мѣстности, крайне неблагоприятныхъ для земледѣльческой культуры въ безводной полосѣ степей и, наоборотъ, въ хорошо орошенныхъ склонахъ Таласскаго Алатау, представлявшихъ всѣ данныя для развитія крестьянскаго хозяйства.

Раньше всего водвореніе переселенцевъ началось въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ, гдѣ уже въ 1875 г. были образованы поселки Чалдоваръ и Михайловка. На интересующей насъ площади юго-востока Чимкентскаго уѣзда устройство первыхъ русскихъ селеній относится къ 1887 г., когда были основаны поселки Корниловка и Антоновка, въ слѣдующемъ году были образованы поселокъ Высокое и въ 1889 г. Бѣлыя Воды. Въ этотъ первый періодъ до 1890 г. переселенческое движеніе было ничтожно, что подтверждается какъ числомъ образованныхъ поселковъ, такъ и количествомъ водворенныхъ семей. Но уже съ 1891 г. картина совершенно мѣняется. Въ виду постигшаго Россію въ 1891 и 1892 г. неурожая масса крестьянъ двинулась искать новыхъ мѣстъ; часть ихъ черезъ Оренбургъ по колесному еще тогда пути направилась и въ Туркестанъ. Результатомъ этого движенія было образованіе въ одномъ только Чимкентскомъ уѣздѣ одиннадцати новыхъ поселковъ. Всѣ они были устроены или вдоль почтоваго тракта изъ Чимкента на Аулиеата или по долинѣ р. Арыси, т. е. какъ разъ въ юго-восточномъ углу уѣзда, о которомъ и идетъ рѣчь.

Послѣ этого необычнаго наплыва семей въ теченіе 1891 и 1892 г.г. переселенческое движеніе сразу падаетъ и въ послѣдующій періодъ 15-ти лѣтъ новыхъ русскихъ поселковъ въ интересующей насъ части Чимкентскаго уѣзда не возникало. Только уже въ 1906 г. мѣстная администрація въ виду настоятельной нужды устроить вновь прибывшую массу семействъ, гонимыхъ изъ Россіи частыми недородами, запроектировала участки, которые и были заполнены этимъ пришлымъ элементомъ.

Что же представлялъ собою описываемый районъ въ первые годы подчиненія края русской власти въ тотъ періодъ, когда только начинали думать о привлеченіи переселенческаго элемента, но поселковъ еще создано не было.

Хорошій въ своихъ запискахъ, относящихся къ 1869 г., сообщаетъ слѣдующее о повѣздкѣ, совершенной имъ изъ Ташкента на Аулиеата. „Дорога отъ Ташкента до Аулиеата идетъ черезъ Чимкентъ и далѣе черезъ небольшой городокъ Манкентъ, который представляетъ единственную осѣдлость на всемъ пути между Ташкентомъ и Аулиеата.“

И не мудрено: всё степи по лѣвую сторону дороги и всё горы по правую населены кочевниками—киргизами и кара-киргизами, не нуждающимися, какъ извѣстно, ни въ тѣни садовъ, ни въ кровлѣ осѣдлаго жилища¹⁾.

Какъ мы могли видѣть изъ предыдущаго, эта характеристика автора вполне дословно принята быть не можетъ. На самомъ дѣлѣ, о существованіи осѣдлыхъ пунктовъ въ предгорной части Таласскаго Алатау сообщаютъ уже какъ китайскіе, такъ и арабскіе писатели, и нельзя предположить, чтобы такіе древніе кышлаки, какъ Сайрамъ, были разрушены ко времени занятія края русскими и пустовали. Надо, однако, думать, что количество туземныхъ поселковъ въ то время было несравненно меньше, чѣмъ въ настоящій моментъ, и ограничивалось одними лишь сартовскими кышлаками. Но, что въ періодъ прихода русскихъ земледѣльческая культура, и притомъ въ довольно широкихъ размѣрахъ, существовала въ предгорьяхъ сѣвернаго склона Таласскаго Алатау, въ этомъ убѣждаютъ насъ слѣдующія слова г. Сѣверцова, обследовавшаго этотъ районъ во время движенія отряда подъ начальствомъ генерала Черняева по направленію отъ Вѣрнаго на Ташкентъ въ 1864 г. Сѣверцовъ пишетъ: „Самая сильная культура и густое осѣдлое населеніе находятся между Арысемъ, Бадамомъ, Машатомъ и горами, дающими начало двумъ послѣднимъ рѣкамъ. Затѣмъ, порядочное орошеніе и соотвѣтственное ему осѣдлое населеніе есть еще между Бадамомъ и его лѣвымъ притокомъ Сасыкъ, вытекающимъ изъ Казыкурта; эти мѣста по Арысу, Бадаму и Машату, суть житница бывшаго Ташкентскаго ханства, изъ коей, кромѣ собственнаго продовольствія, вывозятъ хлѣбъ въ Аулиеата, Туркестанъ и Ташкентъ. Кромѣ растеній, воздѣлаваемыхъ въ долинѣ Арыси и уже упомянутыхъ выше а), на Бадамѣ и Машатѣ разводятъ еще хлопковъ и кунжутъ“²⁾.

Какъ извѣстно, между кочевымъ и осѣдлымъ туземнымъ населеніемъ всегда существовала рознь и исконная вражда. Кочевникъ, гордившійся своимъ образомъ жизни и относившійся съ пренебреженіемъ къ другимъ занятіямъ, кромѣ скотоводства, смотрѣлъ съ презрѣніемъ на осѣдлаго жителя; съ такимъ же презрѣніемъ онъ относился къ своему собрату единоплеменнику, который, нарушивъ обычай отцовъ, бросилъ войлочную юрту и начиналъ пахать и сѣять. Съ своей стороны и осѣдлое населеніе платило той же монетой неимѣющему постояннаго пристанища киргизу. Эта рознь между осѣдлымъ и кочевымъ населеніемъ иногда принимала крайне рѣзкія формы. Сарты, отождествляемые съ осѣдлымъ населеніемъ, обирали кочевниковъ на базарахъ,—это было тѣмъ проще, что вся торговля находилась въ рукахъ осѣдлыхъ жителей, — кочевники же угоняли скотъ и опустошали сартовскія поля. Не

1) Хорошхинъ. Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края СПб. 1876.

2) Люцерна, пшеница, джугара, кукуруза, кунакъ, дыни и арбузы.

3) Сѣверцовъ. Путешествіе по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня. СПб. 1873 стр. 56.

сдерживаемые ничьей сильной рукой, киргизы держали въ постоянномъ страхѣ осѣдлое населеніе, которое каждую минуту опасалось лишиться всего своего состоянія.

Необходимость объединить силы для защиты имущества служила, повидимому, главной причиною того, что сартовскіе поселки почти повсюду являются довольно крупными по количеству населенія; нерѣдко въ такихъ кишлакахъ можно найти и сохранившіяся укрѣпленія. Совершенно обратную картину мы видимъ въ расположеніи киргизскихъ осѣдлыхъ ауловъ: весьма часто аулъ состоитъ изъ десятка дворовъ, прильпившихся гдѣ либо вдоль горнаго ручья; здѣсь вы не встрѣтите никакихъ не только укрѣпленій, но даже дуваловъ (заборовъ)—необходимой принадлежности каждой сартовской усадьбы. Все это свидѣтельствуеетъ, что осѣданіе киргизъ совершалось уже въ болѣе спокойный періодъ, когда не нужно было дрожать ни за свою жизнь, ни за свои посѣвы и посадки.

Отмѣченныя враждебныя отношенія не являлись особенностью однихъ только степей; на аналогичное явленіе въ Ферганской области, но выраженное еще въ болѣе острой формѣ, въ виду ограниченности земельныхъ площадей, указываетъ и г. Наливкинъ ¹⁾. Въ концѣ концовъ, въ этой экономической борьбѣ осѣдлое населеніе взяло верхъ. Крайнее пренебреженіе къ земледѣлію выработало въ кочевникѣ такое отношеніе къ землѣ, при которомъ она не представляла никакой цѣны. Результатомъ этого являлись земельная расточительность и концентрація лучшихъ поливныхъ земель въ рукахъ осѣдлага населенія. При дальнѣйшемъ ростѣ населенія и начинавшемся земельномъ утѣсненіи киргизамъ не оставалось ничего другого, какъ оставить скотоводство и постепенно переходить къ распашкѣ земель. Этому осѣданію кочевниковъ способствовало и наступившее съ покореніемъ края русскими значительное умиротвореніе страны. Насколько рѣзко измѣнилась картина хозяйства по прошествіи всего лишь нѣсколькихъ лѣтъ со времени занятія Туркестана русскими показываютъ слова цитированнаго уже автора, сообщающаго о своей поѣздкѣ изъ Ташкента въ Семирѣчье: „въ послѣднюю поѣздку мою въ Семирѣчье я напелъ, что мѣстности, видѣнныя мною 7 лѣтъ тому назадъ, измѣнились настолько, что и узнать нельзя“ ²⁾. „Даже унылое когда то укрѣпленіе Мерке оживилось сартовскими поселкомъ и постояннымъ присутствіемъ русскихъ въ лицѣ служащихъ на почтово-телеграфной и почтовой станціяхъ. Окрестности на нѣсколько верстъ кругомъ заняты хуторами киргизъ земледѣльцевъ; всюду виднѣются молодыя посадки лѣса и, вообще, мѣстность приняла физиономію мирную“ ²⁾.

Въ послѣдующіе годы развитіе у киргизъ земледѣльческаго хозяйства за счетъ скотоводства шло не менѣе быстро - и въ настоящій моментъ въ юго-восточномъ углу Чимкентскаго уѣзда мы не встрѣчаемъ

¹⁾ Наливкинъ. Краткая исторія Командскаго ханства, стр. 32.

²⁾ Хорошихинъ. Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края СПб. 1876.

уже чистыхъ номадовъ; преобладающимъ типомъ является полуосѣдлое киргизское населеніе.

Итакъ, мы подошли къ концу нашего обзора историческаго прошлаго территоріи, расположенной вдоль сѣверной подошвы Таласскаго Алатау. Постараемся теперь въ краткихъ чертахъ формулировать тѣ основные выводы, которые вытекаютъ изъ разсмотрѣннаго матеріала.

Прежде всего можно, повидимому, утверждать, что за послѣдній двухтысячелѣтній періодъ времени врядъ ли произошли сколько-нибудь существенныя измѣненія въ природныхъ условіяхъ мѣстности, — измѣненія, которыя бы замѣтно отразились какъ на взаимномъ распредѣленіи удобныхъ и неудобныхъ для земледѣлства земель, такъ и на способахъ веденія земледѣльческаго хозяйства.

Начало земледѣльческой культуры въ названномъ районѣ теряется въ дали вѣковъ, но уже въ VII вѣкѣ по Р. Х. мы находимъ цѣлый рядъ земледѣльческихъ поселковъ, расположенныхъ по сѣверному пути изъ Западнаго края въ Китай.

Изъ трехъ племенныхъ группъ, обитающихъ въ настоящее время у подошвы Таласскаго Алатау, къ наиболѣе ранней по времени прихода относится сартовское населеніе, которое должно быть разсматриваемо, какъ продуктъ сліянія древняго иранскаго населенія Туркестана съ позднѣйшими завоевателями тюрко-монгольскаго происхожденія. Эта группа является и древнѣйшей носителницей осѣдло-земледѣльческой культуры въ данномъ районѣ.

Что касается земледѣльческаго хозяйства того времени, то нужно думать, что въ основѣ его, также какъ и теперь, лежало воздѣлываніе пшеницы и проса.

Киргизское населеніе, бродившее ранѣе на просторѣ степей Монголіи и Арало-Каспійской равнины, обосновалась въ описываемомъ районѣ не ранѣе половины XVIII вѣка; при этомъ первыя попытки занятія ихъ земледѣліемъ должны быть отнесены къ періоду, непосредственно слѣдовавшему за приходомъ киргизъ на занимаемую ими въ настоящее время мѣстность.

Вяч. Юферевъ.

